

Кристофер Кубасик

Подмененный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158490

Подмененный: Армада; Москва; 1997

ISBN 5-7632-0268-6

Аннотация

Герой остросюжетного фантастического романа К. Кубасика «Подмененный» Питер Клерис в результате генной мутации превращается в ужасного тролля. Он попадает в банду Итами и становится наемным убийцей. Охотясь за очередной жертвой, Питер нападает на след пропавшего отца – видного генетика, сотрудника корпорации "Исследования клетки"...

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	25
4	76
5	92
6	121
7	129
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Крис Кубасик Подмененный

Часть первая ПРОБУЖДЕНИЕ Сентябрь 2039 года

1

Он медленно открыл глаза.

Потолок... Стены...

Белый потолок... Белые стены...

Крепкий едкий запах больницы... Его ни с чем не спутаешь.

Попытался вспомнить свое имя и – не смог!...

Посмотрел на собственное тело и увидел, что накрыт простыней. Поверх простыни широкие темные полосы прочных ремней. Упругие, держат намертво. Это из-за них он так долго не мог пошевелиться. Обрывки воспоминаний – дремучий лес... лица Ханзеля и Гретель... Что это они расплясались? Потом какой-то стремительный полет. Или провал? Вжик – и все исчезло. И опять эта ослепительно белая ком-

ната. Прямо перед ним – дверь. Что за ней?

Вот дела! И запястья прикручены... Чем – непонятно. Не видно... Руки где-то там, под простыней. Так что свободной осталась только голова.

Ага, что-то рыжее изнутри. Штаны? Его собственные штаны, надетые на ноги. Но у него никогда не было таких штанов! Может, в больнице выдали? И рубаша тоже рыжая – вон просвечивает из-под белой простыни. Где ткань прилегает вплотную – там ярче, где простыня отстает – там только намеком.

– Привет! – осторожно сказал он сам себе.

Но его ли это голос? Этот звук скорее похож на кваканье лягушки или скрип древесного ствола. Когда налетит сильный ветер, деревья так же стонут... горло заболело, и он машинально глотнул. Потом повернул голову и посмотрел налево. Ага, вот и окно, шторы раздвинуты. На улице темно, но высокое здание напротив светит яркими огнями. Перед глазами вновь замелькали обрывки воспоминаний. Маленькая спальня видна сквозь распахнутый дверной проем. Возле единственного окна – детская кроватка. В комнате сумрачно, только свет уличных фонарей освещает ее; огромный золотистый четырехугольник подвешен к потолку... В спальне совсем пусто, только детская кроватка возвышается у плохо зашторенного окна – здесь он провел ночь... На его крики никто не откликнулся...

Воспоминания... Он вздохнул и повернул голову напра-

во. Какие-то аппараты, блестящие металлические ящики. Их бока просвечивают, розовеют, как и простыня... На круглом экране то загорается, то гаснет алая точка.

Ага, трубки от металлических ящиков тянутся к его кровати, ныряют под простыню – может быть, они подсоединены к его рукам? И штаны, просвечивающие из-под ткани, штанами не ощущаются. Как и рубаша на груди. Ничего не понятно! Что с ним делают? Или что с ним собираются сделать? Кто-нибудь ему объяснит? Хотя бы словечко скажет? Или он так и будет лежать здесь, туго спеленутый, как ребенок, странно посвечивающий и то и дело впадающий в непонятные воспоминания? Вернее, проваливающийся... Вот еще раз накатило... Та же спаленка, его вытаскивают из кровати, он весь в поту, кричит, вырывается, падает на пол... следом – мрак...

Больше ничего вспомнить не удалось...

Что же, попытаемся дернуть руками... Бесполезно, он даже не смог пошевелиться. Хорошо привязан...

Дело дрянь. Это уж точно, хуже не бывает... Спеленали натуго. И этот кровавый отсвет. Мысли едва ворочаются, воспоминания бессвязны, отрывочны... Что же случилось? Поговорить не с кем. Пусто в комнате. И почему-то страшная усталость во всем теле...

Он закрыл глаза. Опять провалился в забытие.

Потом, через какое-то время, внезапно проснулся. Вспомнил, что находится в больнице и что уже несколько раз до этого просыпался. Вспомнил, что его зовут Питер. Что у него, у Питера, есть отец.

Следом выплыло еще одно воспоминание – Питер со своим отцом живут в Чикаго. Но где же папочка? И на кого он похож? Его папочка... А знает ли папочка, где он, Питер, сейчас находится?

Какой-то прерывистый звук раздался в комнате. Он опустил глаза к двери и увидел женщину. От удивления вздрогнул – женщина светилась! Точнее, ее кожа переливалась различными оттенками красного. На ней была надета белая униформа, но там, где тело оставалось открыто, трепетало радужное, алое сияние. Отблески красного падали и на белоснежную материю. Женщина услышала шум, повернула голову и посмотрела на него. Питер замер – эта женщина была воплощением ангела света!

Неожиданно ее лицо засветилось еще ярче, а губы сложились в неприятную гримаску. На лице отразился страх. Она пыталась скрыть его, но неуверенные движения и настороженные взгляды, которые она время от времени бросала на Питера, выдавали ее состояние.

Заметив, что он смотрит на нее, медсестра слабо улыбну-

лась, подошла к двери и вышла из палаты.

Что же такое она увидела? Он хотел поднять руки, ощупать лицо, но ремни плотно обхватывали запястья. Господи! Да что же это такое? Почему его связали? Почему он вообще оказался здесь?

«Итак, кто я, кем был раньше? Человек, подросток Пятнадцати лет от роду. Это точно, – попытался сосредоточиться он. – Что же все-таки произошло? Катастрофа? Может быть, я попал в аварию? Никак не вспомнить».

Вот образ отца сам собой явился в памяти.

Питер помнил, как они мчались в бронированном лимузине, возвращались с какой-то вечеринки. Машина была тяжелой, ее заносило на поворотах. Его тогда еще сильно покачивало, а когда водитель нажал на тормоза, так просто швырнуло вперед.

Отец долго смотрел в окно. Почему-то он отвернулся от сына и смотрел вдаль. Хорошо, что водитель был отделен от пассажиров прозрачной стенкой и не обращал на них никакого внимания. Было поздно. Вдали проносились огни Чикаго. Папочка все смотрел в окно. Наконец Питер решил нарушить молчание.

– А я с кем-то познакомился на вечере, – с загадочным видом сказал он.

Отец повернулся к нему и неопределенно хмыкнул:

– Хм...

Но глаза у отца почему-то стали испуганными. Он словно

не понял, что это такое сказал Питер. Думал о чем-то своем, а тут сын нарушил тишину. Вот папочка и растерялся. Но тотчас же успокоился.

Отец смотрел на сына, словно изучал его.

– Ее зовут Дениз. Дениз Льюис, – улыбнулся Питер.

– Ну да, – откликнулся доктор Клерис, – она была там с родителями. В том, что вы встретились, не было ничего удивительного.

– Мы долго болтали, и оба решили, что нам интересно вдвоем.

Питер упорно вызывал отца на разговор. Но тот вновь повернулся к окну.

– Хм... – вот и все, что он сказал в ответ.

– Нам скоро выходить, – напомнил сын в надежде, что отец ответит хоть на это и, может быть, улыбнется ему.

Отец по-прежнему молчал.

– Мне кажется, я ей тоже пришелся по душе... Странно... Вновь никакого ответа... Они долго ехали

молча. Питер решил, что папочке надо дать время все хорошенько обдумать. И все-таки, сколько можно обдумывать? Подросток не выдержал:

– Это же наша первая встреча. У меня слов нет, как я взволнован...

Отец даже не взглянул на Питера. Господи, да что там такого интересного он увидел в окне? Неожиданно отец спросил:

– Но не рассчитываешь же ты?... – и испуганно замолк.

– На что? – поинтересовался сын, но ответа не дождался. «Странный какой-то вопрос, – решил Питер. – И голос у отца как-то странно изменился. Он так и брякнул...»

– У тебя и голос изменился... Будто ты считаешь, что от этого все твои надежды рухнули?... – Он помолчал и, не дождавшись ответа, опять заговорил горячо и сбивчиво: – Я так счастлив, что встретил ее! А еще... Мне так хочется увидеться с ней снова!

– Как раз это я имею в виду, – наконец подал голос отец. – Ты счастлив. Ты живешь ожиданием. В общем-то, это хорошо. Ты меня не слушай, твое дело молодое. Но счастье – это... – Он помолчал, подыскивая нужное слово. – Тебе, сын, лучше держаться от него подальше.

В голосе отца слышались жалость и отчаяние.

Но почему?! У Питера на мгновение перехватило дыхание. Может быть, он не понял? Не мог же папочка в самом деле сказать такое! Питер чуть не задохнулся от волнения. Что же, выходит, ему советуют сторониться счастья? Но это означает, что ему следует распрощаться и с надеждами. Не слишком ли?

Он откинулся на спинку сиденья и сцепил руки. Сердце колотилось, он едва сдерживал себя, чтобы не закричать на отца. Хватит смотреть в окно! Пусть он повернется к сыну, пусть взглянет в глаза. Порыв ярости нарастал. Питер уже с трудом справлялся с нею, что-то жуткое, незнакомое рож-

далось в нем. Еще мгновение, и он заколотил бы кулаками по отцовской спине. Да повернись же! Чего в окно уставился! Посмотри, что ты сотворил! Полюбуйся!... Питер крепко зажмурился, глубоко вздохнул. Его сердца коснулось только что родившееся предчувствие. Словно ледяным ветерком дунуло в душу – а что, если

отец прав? Что, если он знает, о чем говорит... Счастье – это не для тебя – так его можно было понять. Неужели это правда? Мама умерла во время родов. Когда Питер появился на свет...

Папочка неожиданно вздрогнул, потом Питер услышал порывистый вздох. Неужели так отец справлялся с болью, которую доставляла ему мысль об утерянной жене? Волнение сжало горло подростка...

* * *

Питер вздохнул и открыл глаза.

Возле кровати стоял какой-то мужчина в белом халате, из-под тонкой материи пробивалось малиновое сияние... Лицо и кисти рук прямо-таки полыхали всевозможными оттенками оранжевого, вишневого, алого...

Неужели это его отец?

Нет...

Питер повернул голову. Его папочка стоял с другой стороны кровати и смотрел на него, не отрывая глаз. Открытые

участки его тела тоже переливались радужным сиянием. Но что больше всего поразило подростка – так это смесь холодного равнодушия и горячего интереса в отцовском взгляде. Если точнее, безразличия к тому, что перед ним лежит его сын, и жадного любопытства к тем превращениям, которые с Питером произошли. Ох, что же это за превращения? Подросток с ужасом посмотрел на просвечивающий из-под простыни рыжевато-алый огонь. Нет, штанов на нем точно не имеется. И рубашки тоже... Тогда что все это значит? И этот странный, какой-то демонический взгляд отца... Не может человек смотреть таким образом. В этом есть что-то противоестественное...

– Папочка?...

Слово прозвучало сухо, едва слышно. Наверное, неосознанный страх чувствовался в нем. Отец не ответил – ни единая жилочка не дрогнула у него на лице. Переливы света на теле не участились и не замерли. Да слышит ли отец его? Все тот же тяжелый, упершийся в Питера взгляд. Темные провалы под глазами, особенно заметные на фоне таинственного свечения кожи, подсказали Питеру, что отец очень устал... До такой степени, что не может моргнуть? Или улыбнуться?...

– Питер, – обратился к подростку незнакомый мужчина в халате. Звук растворился в легком шуме работающих машин. И опять наступила тишина... Только через несколько мгновений подросток повернул голову в его сторону. Это

доктор? Человек улыбнулся. Мгновенное облегчение прошло, и Питер с ужасом понял, что никакой это не доктор. И улыбка у него какая-то выжатая...

– Да? – наконец отозвался подросток.

– Питер, тебе за последние месяцы пришлось много помучиться...

Месяцы?!

– ...поэтому я не хочу слишком утомлять тебя. Все плохое уже миновало. Я хочу, чтобы ты понял это.

Питер перевел взгляд на отца. Он в который раз попытался приподнять руку – пусть папочка хотя бы пожмет ее. Если, конечно, захочет взять ее в свои ладони... И опять – даже кистью не смог пошевелить. Туго прикрутили...

– Я... Я не могу двинуться... – растерянно пробормотал он.

– Питер, мы должны были следить за тем, чтобы ты оставался неподвижным, – ответил доктор. Если, конечно, этот человек был доктором. – В последние недели мы проводили курс усиленной... э-э... терапии. Любое твое неосторожное движение могло причинить непоправимый вред. Мы должны были быть уверены, что ты никому не доставишь неприятностей.

Питер не обратил внимания на слова доктора. Он все так же выжидающе смотрел на отца.

– Папочка, со мной все в порядке? – наконец-таки решился спросить он.

Отец долго молчал, потом отвел глаза в сторону. – Не знаю.

Питер заметил, что доктор от изумления открыл рот.

– Мистер Клерис... – успокаивающе начал он, но папочка с неожиданным вызовом воскликнул:

– Не знаю! Слышите?...

У Питера сложилось впечатление, что мистер Клерис понятия не имеет, что он делает в этой комнате и что за мальчик лежит перед ним.

– Папочка... – еле слышно прошептал Питер.

– Прости меня, – быстро ответил отец, поперхнулся и скорым шагом вышел из комнаты.

Доктор бросился вслед за ним.

– Я скоро вернусь! – бросил он через плечо Питеру.

– Ладно, все нормально... – хотел успокоить его Питер, но тот уже вышел за дверь.

Питер вздохнул, широко раскрытыми глазами уставился в потолок. Что за странные, пугающие чудеса творятся вокруг? Мелко задрожал подбородок, но он не расплакался. Сумел сдержаться. Попытался вспомнить что-то приятное из своего прошлого. Прежде всего почему-то вспомнилась его по-детски наивная любовь к молоку. На мгновение почудилось, что на верхней плоскости одной из машин стоит наполненный белой жидкостью стакан, но, приглядевшись повнимательней, Питер решил, что это ему только помешалось. Потом перед глазами возникла картинка из давнего

прошлого: он идет в школу. Привиделась учительница, развешивающая плакаты для урока. К своему удивлению, Питер никак не мог припомнить, чем же он занимался в классе. Что изучал? Нет, учиться-то он учился, это было ясно как день, но вот чему? Слова, какие-то числа, лягушки, клетки... Все смешалось и перепуталось. Единственное, что он помнил четко, были картинки. Все остальное покрылось туманом.

Ну, чудеса! Не мог же он ходить в школу для того только, чтобы отсиживать на уроках. И что такое уроки? С трудом пробились мысль – это когда кто-то из взрослых говорит, а дети записывают или слушают. Но, черт побери, что записывают? И что слушают?...

В палату вернулся доктор. Он был какой-то чрезмерно возбужденный, суетливый, на лице – лживая, подбадривающая улыбка.

– Так что, Питер, думается, время пришло, нам пора поговорить. Поделиться, так сказать, мыслями по поводу... э-э... случившегося.

– Где отец?

Доктор успокаивающе замахал руками.

– О-о, с ним все в порядке. Он решил прогуляться. Видишь ли, мистер Клерис очень озабочен твоим состоянием, он хочет, чтобы у тебя все было хорошо. Сейчас ему надо немного проветриться... Так сказать... Он зайдет к тебе попозже.

Правду ему говорят? Или лгут? Как проверить? Если бы можно было встать и разыскать отца... Питер выжидающе смотрел на доктора.

– Питер, знаешь, что с тобой случилось? – осторожно заговорил тот.

Подросток отрицательно покачал головой.

– Что ты помнишь о... прошлом? О том мире, который тебя окружал? Многие из тех людей, которые прошли... э-э... так сказать, через подобные испытания, кое-что забывали.

Питер некоторое время обдумывал услышанное. Что имел в виду доктор? Потом ответил:

– Я помню папу. Вечеринку... Помню, как проснулся посреди ночи.

– Хм... Хорошо, Питер, а теперь послушай. Ты прошел через то, что на медицинском языке называется индженитизацией. В результате твое тело стало соответствовать твоему генотипу. Видишь ли, хотя ты и выглядел как подлинный *homo sapiens sapiens*, на самом деле ты являешься *homo sapiens ingentis*– Он неуверенно улыбнулся, но Питер по-прежнему молчал и пристально смотрел на него. В том, о чем говорил доктор, разобраться было невозможно.

– Индженитис? – наконец вымолвил подросток. Доктор сложил руки на груди и после недолгой паузы ответил:

– Это, так сказать, общий термин. Медицинский... Дело в том, что ты, Питер, являешься троллем¹. Тебе это слово о

¹ Троль – в германо-скандинавской мифологии великан. Тролли обитают в

чем-нибудь говорит?

Мальчик задумался, и скоро в его воображении запестрели картинки. Огромного роста люди, серые и зеленые, с ужа-сающей величины зубами и огромными красными глазами... Питер кивнул.

– Ты что-нибудь слышал о неопознанных генетических объектах?

– Они нападали на людей. Еще до того, как я появился на свет... – неуверенно ответил Питер.

– Все верно. – Доктор задумчиво кивнул. – НГО появи-лись еще до того, как североамериканские индейцы начали использовать магические обряды для того, чтобы изгнать бе-лое население из западных штатов США. Хотя... Эти зем-ли давным-давно были предоставлены им для обитания. Но индейцы с помощью шаманов решили избавиться от всех чужаков. Они пользовались магией. Это, конечно, не очень удачное слово... В нем есть привкус какой-то вульгарной мистики... но более точного термина пока не придумали. Еще до этих событий ученые стали замечать, что у нор-мальных родителей иногда рождается странное потомство. Обычные дети начинали превращаться в какие-то загадоч-ные существа. Некоторые становились коротышками и раз-давались вширь; другие, наоборот, вытягивались и утонча-лись, а потом у них начинали отрастать длинные уши. В про-

глубине гор, где хранят свои сокровища. Они уродливы, сильны и глупы. Как правило, вредят людям, похищают скот, занимаются людоедством.

стонародье их стали называть гномами² да эльфами³, словно они явились из сказок... Эдакие живые воплощения легендарных существ... Конечно, на самом деле эти непонятные, так сказать, создания никакого отношения к сказочным существам не имели. Эти чудища просто взяли себе имена знакомых с детства героев. Все они, конечно же, являлись *Homo sapiens*, только относились к какому-то новому подвиду. Тех, кого народ называл гномами, ученые обозначали как *homo sapiens pumillonis*, а тех, кого считали эльфами, – *homo sapiens nobilis*.

Что-то смутно промелькнуло в сознании Питера. Где-то он уже слышал об этом.

– Точно! – через секунду продолжил он. – Там еще были *homo sapiens robustus* и *homo sapiens ingentis*.

– Да. – Доктор облегченно вздохнул и стер со лба мелкие капельки пота. – И все они являются людьми. Хотя в средствах массовой информации их окрестили металюдьми. В просторечье – метахомиками.

Питер удивленно вскинул брови.

– А зачем такие названия?

Доктор повысил голос:

– Что ты имеешь в виду?

² Гномы – в низшей мифологии народов Европы маленькие антропоморфные существа, обитающие под землей, в горах, в лесу. Ростом они с ребенка, а иногда – с палец, наделены сверхъестественной силой; носят длинные бороды. В некоторых сказках говорится, что у них козлиные ноги или гусиные лапы

³ Эльфы – в низшей мифологии германских народов духи.

– Ну, почему не «эльфы», не «гномы»?

– Потому что они ни эльфы, ни гномы! Подобных созданий не существует!... Это не более чем вымысел!

Волнение, охватившее доктора, передалось Питеру. Он ясно воспринимал слова собеседника, вдумывался в аргументы и доказательства, которыми тот беспрестанно сыпал, но сосредоточиться, все взвесить и обстоятельно обдумать почему-то не мог. В голове стоял какой-то туман, все путалось. Растерянность отразилась на лице подростка. Доктор неожиданно улыбнулся.

– Такие дела, брат. Понимаешь, так сказать... Скоро ты сам во всем разберешься. Понятно, что сейчас у тебя сплошная мешанина в голове. Когда твое тело проходило период трансформации, значительные изменения произошли и с твоим мозгом. Мозг тоже должен себя перестроить, и во время этого процесса ты можешь потерять кое-что из прежнего запаса знаний. Потому что память... э-э... воспоминания хранятся как бы в виде файлов. Впечатления дробятся на какие-то мелкие единицы-модули и укладываются в особые ячейки. Когда идет перестройка мозга, некоторые мелкие зернышки-воспоминания не могут найти себе места. Для них не остается ячеек. Вот они и мечутся... Так что кое-что тебе придется выучить заново. Ну ничего... Ты с этим справишься. Так сказать...

Питер молча смотрел в потолок.

– Подождите... из этого следует, что я – *sapiens ingentis*? –

неожиданно громко спросил он.

Мурашки побежали по коже. Только теперь до него дошло, о чем говорил ему доктор. Точнее, все впечатления последнего дня сложились вместе – и внутри обозначилась такая пустота, такой провал... На Питера дохнуло леденящим ужасом.

– Да... – устало подтвердил доктор. – Но ты не должен этого бояться. Самое главное, что ты должен постоянно удерживать в памяти, это то, что ты – человек, Питер. Ты не должен забывать об этом, потому что именно на этом пунктике ломается большинство людей, оказавшихся в твоём положении. В наши дни такое происходит редко. После 2021 года случайных появлений НГ-объектов не зафиксировано. В последние два десятилетия у людей рождается обычное б смысле генотипа потомство. И все же такое бывает... Существа, подобные тебе, долгое время живут как вполне обычные люди, потом неожиданно их фенотип меняется... Многие думают, что они становятся какими-то ужасными созданиями, нелюдью, так сказать... Чужаками... Так вот, это неправда. Они – люди. И ты человек, Питер! – Доктор обеспокоенно посмотрел подростку в глаза. Того бил озноб.

– Но я чувствую, что не похож на других, – почти неслышно пробормотал он. – Я – иной... И моя голова... Она какая-то не такая...

– Да. Есть кое-какие отличия...

– И все кругом красное, все как будто полыхает... Доктор

отвел глаза и кивнул:

– Твои глаза теперь видят по-другому. Мои, например, чувствительны только к видимой области спектра. Твои способны воспринимать еще и инфракрасные лучи. Ты прямо-таки осязаешь потоки тепловой энергии! В дополнение к привычной тебе картине окружающего мира еще воспринимаешь и колебания температур! Этаким красным светофильтр появляется местами... – Доктор помолчал, покрутил в руках тонкий красный проводок, потом продолжил: – Сначала это кажется необычным, но вскоре ты поймешь, что это здорово, и научишься использовать это качество!...

Мысли по-прежнему путались. Вдруг Питер вспомнил, с каким страхом на него смотрела медсестра. Теперь ему было ясно, почему в ее глазах был животный ужас!

– Значит, я – тролль? – дрожащими губами спросил он.

– Нет! – Доктор смотрел на него твердо и прямо. – Ты – человек!

– Я ужасен? Уродлив?

– Питер, красота – понятие относительное... Относительное?... Мальчик вспомнил об отце и о его

внезапном желании прогуляться. Вот, даже папочке неважно находиться рядом с ним! И вдруг он закричал. Из всех сил. Завопил во все горло. Попытался вырваться, освободить руки и ноги. Стал отчаянно ворочаться с боку на бок. Кровать не шелохнулась! Тогда он завыл – жутко, пронзительно. Что случилось с его головой? Что случилось с его те-

лом? Он был от нестерпимого желания ощупать себя и убедиться в том, что он не чудовище! Может, он еще похож на человека? Ладно, что все вокруг светится красным... Это пустяки... А вот есть ли у него нос? Какими стали зубы? Может, зубов теперь вовсе не осталось и изо рта торчат поганные здоровенные клыки? И нос стал крючком?... Какие они, тролли? Он не помнил.

Мальчик зарыдал. Ой, мамочки! Дайте пощупать, что же случилось с головой! Лучше умереть, так будет легче. Честнее, наконец. Зачем ему красный свет, нос крючком, клыки и отвисшие, покрывшиеся мехом уши? Сами носите!...

Доктор суетливо вытащил из кармана шприц для подкожного впрыскивания и подбежал к Питеру. Подросток извернулся, как мог, и попытался укунить доктора за руку. Тот сразу отдернул ее, отскочил и бросился к двери.

– Медсестра! Дежурный!... – завопил он.

Питер почувствовал, что ремень, стягивающий его правую руку, ослаб, и сосредоточил свое внимание на этой руке.

Топот ног в коридоре на какое-то мгновение отвлек его от дела. Вернулся доктор, а с ним два здоровяка санитаров. Санитары сразу стали по обе стороны кровати, потом аккуратно и сильно нажали на плечи Питера, но в этот момент ремень, стягивающий правое запястье, лопнул. Подросток, не думая, пихнул одного из санитаров. Удар пришелся тому в живот. Человека приподняло над полом, он перекувырнулся в воздухе и медленно отлетел к стене. Теперь надо раз-

делаться со вторым санитаром. Внутри у Питера все дрожало. Почему-то ему страшно хотелось причинить боль какому-нибудь другому существу! В этот момент что-то кольнуло его в плечо. Он повернулся и увидел, как доктор и второй санитар отпрыгнули к стене.

Питер схватился за ремень, удерживающий левую руку. И замер, пораженный!... Он наконец-таки увидел свою правую руку... Лучше бы было, если бы он никогда не видел этого!...

Рука была как бревно. Или... как бедро взрослого мужчины... Такая же толстая... Кожа серо-зеленая, какого-то гнойного, омерзительного оттенка. Изнутри рука светилась жаром – краснота пробивалась из плоти. По всей коже шли какие-то странные роговые наросты. Но самое главное было не это! Рука неимоверно вытянулась, и оканчивалась она длинными пальцами с острыми когтями!...

Питер ошарашенно посмотрел на свое тело. Под простыней тела видно не было, но зато он мог разглядеть, что росту в нем теперь было метра три! Не меньше!...

Питер слова вымолвить не мог – так и сидел, уставившись в простыню. Потом в глазах помутнело, поплыли какие-то темные пятна.

Подросток опять посмотрел на свою правую руку. Поднес ее к самому лицу и принялся разглядывать с таким видом, словно никак не мог поверить, что это на самом деле принадлежит ему...

Затем на него навалились сумерки, в глазах поплыли тени,

и он провалился в забытье...

Ему снилось, что он вернулся домой. Бродит по комнатам, пытается что-то вспомнить, окидывает взглядом знакомые вещи. Силится, силится...

Боль подступила внезапно – откуда-то изнутри. То ли в брюшной полости, то ли в груди, а может, сразу везде взбухло что-то острое, режущее. Он попытался проснуться. Это поганое «что-то», поселившееся внутри него, пыталось вырваться на свет и отчаянно раздирало внутренности. Словно тысячи мелких коготков рвали тело... Боль была невыносима.

А потом еще озноб навалился, и кожа покрылась пупырышками. У него было такое впечатление, словно в разгар зимы кто-то распахнул настежь окно и комната вымерзала на глазах. Мысли метались и путались. Что же это, а? На вечеринку он попал в конце лета, тогда была самая жара... И эта боль!...

Простыня набухла от пота. Боль не прекращалась. Как-то жуть спазмом сдавила горло. Он больше не мог оставаться в постели.

– Папочка? – слабым голосом позвал Питер. Ему хотелось крикнуть во всю мочь, завопить так, чтобы стены задрожали, но голос сел. – Папочка? – еще раз жалобно пискнул он.

Ответа не было. В наступившей тишине Питер неожидан-

но сообразил, что он все еще спит и дом, боль, озноб ему только снятся. Его родной дом был не более чем видением, ночным мороком. Мускулы отчаянно болели. Питер коснулся пальцами груди и со страхом отдернул руку. Что-то было не так. Кожа стала какой-то грубой, шершавой. Он с опаской глянул на себя. Тело отсвечивало красным. Тусклый свет уличных фонарей проникал в комнату.

Вроде бы все нормально... исключая разве странные мозолистые наплывы, разбросанные по телу. Они были едва видимы, но просматривались четко. И ощущались тоже... Жестковаты. Питер надавил ладонью на одно из таких образований. Точно, что-то не так. В детстве он слышал рассказы об эпидемиях бубонной чумы. Сколько миллионов жизней уносили с собою страшные болезни! Может быть, и теперь тоже начался мор?

Питер выбрался из постели. Огляделся. Сделал несколько шагов. Голова почему-то закружилась, и силы оставили его. Он осторожно опустился на пол. Ноги не держали. Вот вопрос – чьи это ноги? Совсем даже не его.

– Папочка? – вновь позвал он и постарался ползком добраться до двери спальни. Дверь оказалась распахнутой, в черном провале коридора слышались мерные шаги.

Нечеткий силуэт появился в дверном проеме.

– Питер...

В спальню вошел отец. Точно он! Встал возле сына на колени и принялся тщательно ощупывать его тело. Поты-кал

пальцем в нескольких местах, потом медленно, дрожащим голосом выдохнул:

– Гоблинизация... – Затем сказал погромче: – Подожди здесь. Я скоро вернусь. Надо вызвать «скорую». – И вышел из комнаты.

* * *

Проснулся Питер от невыносимого удушья. В первое мгновение он вообще не мог вдохнуть – то ли сон продолжался, то ли ему на самом деле не хватало воздуха. Чуть позже он вспомнил, что произошло... Так и есть, он лежит все в той же больничной палате, а справа от кровати все то же оборудование... На стене – экран, что-то вроде плоского телевизора, на экране что-то мелькает. Питер не обратил внимания на меняющиеся картинки, его заинтересовало – а кто всю эту дребедень смотрит?

Правильный вопрос! В углу комнаты он увидел двух человек в белых халатах. Санитары?... Они увлеченно смотрели на экран. Там полыхал грандиозный пожар, кажется, горели небоскребы. Поверх мелькающих кадров то и дело взбухали светящиеся надписи: «События в Сиэтле»... «Расовые волнения». Потом на переднем плане возникла толпа. Люди что-то кричали и швыряли камни в выбегавших из горяще-

го здания гномов, троллей и орков⁴. Подъехала полиция и стала метать в толпу гранаты со слезоточивым газом. Ядовитое облако тотчас же разогнало людей, но и металюди уже не могли покидать здание...

– Что случилось? – встревоженно спросил Питер у людей в белых халатах.

Один из санитаров повернулся на его голос, потом неторопливо встал и, гулко топая, направился к кровати.

«Осторожно! – вдруг словно что-то щелкнуло у Питера в голове. – Предельная осторожность! Этот человек опасен!» Питер не знал, что это на него нашло и почему он так решил, но это было, точно!... Санитар проверил ремни – крепко ли держат, потом с усмешкой произнес:

– Точно не знаю... Похоже, в городе Сиэтле проводят операцию на метахомиков. Их собираются сослать в особые лагерь. А это отродье почему-то поджигает свои дома. По всему городу идут бунты... – Он помолчал немного, потом добавил: – Кстати, ты вчера посмел поднять руку на одного из моих дружков...

– Я не знал...

И вдруг санитар ударил Питера по правой щеке. Нет! Острая боль волной залила сознание. Но сдачи он дать не мог, и надо было помалкивать.

Мужчина ударил еще раз – на этот раз боль была нестер-

⁴ Орки – злобные существа, зачастую людоеды. В низшей германской мифологии орки всегда враждебны людям.

пимой.

И еще один удар! Питер попытался отвернуться, но у него ничего не вышло: ремни держали крепко.

– Не надо... Пожалуйста... – жалобно пролепетал он.

– Почему это не надо, ты, троглодит чертов?! – захохотал санитар.

– Как вы не понимаете, это я только внешне превратился в тролля, а так я нормальный человек! – попытался объяснить Питер.

К кровати подошел второй санитар и тоже занес кулак. Подросток дернул головой. Санитар злорадно ухмыльнулся. Видно, был доволен своей уловкой. Эта игра пришлась ему по вкусу.

– Мне нет никакой разницы, дружище! Раз ты тролль, с тобой и надо обращаться, как с троллем! – вызывающе сказал он.

«Это значит, вот так, как сейчас?» – хотел было спросить Питер, но удержался.

В дверях неожиданно появился доктор и испуганно крикнул:

– Что здесь происходит? – Потом обратился к одному из санитаров: – Я же строго-настрого предупредил: как только он проснется, сразу позвать меня!

– Простите, док, – буркнули санитары и отошли в сторону.

– У вас все нормально? – Доктор встревоженно посмотрел на Питера.

– Конечно. Я и пациент...

– Я не с тобой разговариваю! – Доктор подошел к Питеру поближе.

– Да, – отозвался Питер, – все в порядке. Один из санитаров выключил экран.

– Пожалуйста, оставьте нас одних, – сухо сказал доктор. Санитары покорно направились к двери, один из них, проходя позади доктора, перехватил взгляд Питера, молча приложил палец к губам, затем показал мальчику кулак. Питер все понял. Будет лучше, если он будет держать язык за зубами...

– Питер, – сказал доктор и осторожно сел на пластмассовый стул, – нам надо поговорить.

– Хорошо... – неуверенно отозвался подросток.

– То, что... э-э... случилось вчера... Это недопустимо. Тем более, так сказать, в твоём положении. Тебе следует контролировать себя. – Доктор нервно теребил рукой край халата. – Пойми, ты – тролль. И ты даже представить себе не можешь, как ты силен! Ты должен научиться сдерживать себя. Понятно, что у тебя был стресс, но это не может служить оправданием. Пойми, люди все еще испытывают страх перед такими, как ты. Прежде чем они привыкнут к мутантам, пройдет много времени.

– Из-за этого и начались беспорядки в Сиэтле? – нетерпеливо прервал его Питер.

– Да.

– А почему вы решили, что в конце концов все наладится?
Доктор улыбнулся:

– Возможно, ты прав, но я верю в разум, верю в людей...

Питер криво ухмыльнулся:

– Скажите, когда я смогу отправиться домой?

– Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Мы могли бы уже завтра выписать тебя. Твой отец договорился с одним врачом, работающим у нас в больнице, чтобы тот последил за тобой и помог тебе привыкнуть к новому телу. Это действительно крупный специалист в нашей области, один из лучших в мире.

– Хорошо... – Питер настороженно посмотрел на доктора. – А что вы имеете в виду, когда говорите, что я должен привыкнуть к своему телу?

– Питер, по сравнению с теми днями, когда тебя доставили сюда, ты потяжелел на сотню килограммов. Стал выше, раздался в плечах. Долгое время ты лежал неподвижно, руки, ноги, так сказать, затекли... Тебе нужно время, чтобы обрести форму...

– А как насчет моего сознания?

– Сознания? – Доктор поежился.

– Да, как насчет моих мыслей, чувств, ощущений? Вы сами говорили, что я должен контролировать свои поступки. Мне же нельзя впадать в ярость! – Он захлебнулся, припомнив показанный ему из-за спины доктора кулак. – А что, если я не смогу совладать с собой и так разозлюсь?! Что, если

я разойдусь, как может разойтись тролль?! Пусть даже я не тролль, а только похож на него!... Поймите, от одной этой мысли можно сойти с ума!...

– Послушай меня! Это очень важно. – Доктор опять смотрел на него спокойно и твердо. – Ты помнишь, что такое ДНК?⁵ Помнишь что-нибудь из генетики?

Питер попытался сосредоточиться. Страх все сильнее и сильнее охватывал его. Неужели он все забыл? В голове сплошная пустота. Ни единой зацепки. Как же он жить-то будет? Снова идти в начальную школу? В памяти опять всплыл показанный из-за спины кулак. Вот это он помнил крепко. Ну, может, еще кое-что... Например, что гены – это такие цепочки молекул и существует какой-то определенный порядок в их соединении.

– Что-то похожее на код, верно я говорю? На тайнопись, где каждая буква занимает строго определенное место?... – попытался он сформулировать свою мысль. – Именно порядок сцепления... определяет вид живого существа...

Он почувствовал стыд – как же он мог сморозить такую глупость? Какие буквы могут быть в живом существе? Человек не является суммой слов, а тем более каким-нибудь предложением.

– Простите, – смутился он. – Я что-то не то говорю...

– Нет-нет, все правильно, – покивал головой доктор. – Конечно, путано, но, в общем, ты на верном пути. Мы дей-

⁵ ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота

ствительно считаем, что ДНК представляет собой особого рода код. Так сказать, шифр из четырех букв... Или значков... Символов, наконец... Эти буквы не что иное, как четыре азотные группы – нуклеотиды, – которые имеются в ДНК. Они обозначаются следующим образом: буква А соответствует аденину, Г – гуанину, Ц – цитозину и Т – тимину. Эти четыре нуклеотида соединяются между собой в различной последовательности. Комбинаций может быть множество, тем более если учесть, что и в длину они могут вытягиваться каждая наособицу. Вот этот строго определенный набор в целом называется геном. В нем могут быть сосредоточены десятки или сотни тысяч подобных последовательностей. Есть гены, состоящие их миллионов последовательно расположенных нуклеотидов. Выглядит это таким образом – ГЦАТГТАТЦЦТГТА... и так далее.

Что-то в этом разговоре показалось Питеру интересным.

– И как же они работают? – удивленно спросил он.

– Гены?... Они определяют все признаки существа. Например, цвет волос, форму и размер черепа, цвет кожи... В ядре клетки есть особые структуры – хромосомы. Перед началом деления клетки происходит, так сказать, удвоение каждой из них, и в процессе клеточного деления сходные хромосомы расходятся в образующиеся молодые клетки. Таким образом, они получают полный набор хромосом. Зрелые половые клетки имеют вдвое меньший набор хромосом. Полный их набор восстанавливается в оплодотворенной

клетке. В каждой паре сходных хромосом одна унаследована от отца, другая – от матери. Хромосомы и обеспечивают основу наследственности, а носителями наследственных признаков являются гены, то есть определенные участки хромосом. Каждый ген отвечает за построение белковых молекул нового организма по определенному образцу...

– А-а, теперь вспомнил – этим образцом и является ген. С него как бы копию снимают... – Питер попытался приподняться на локтях, но ремни не позволили. Он вновь опустил голову на подушку. – Ну а дальше что?

Доктор усмехнулся:

– В конце двадцатого столетия ученые начали изучать строение ДНК. В то время не знали самого главного – за что отвечают те или иные гены. Важно было определить, какие именно структуры, определяют цвет кожи, состав крови... Проект детального изучения генов назывался Геномной программой. Ее разрабатывали во всем мире, особенно в бывших Соединенных Штатах. В различных странах изучали определенные участки цепочек человеческих ДНК, подвели итоги и в конце концов выяснили, какие гены способствуют воспроизведению того или иного признака. Например – о, черт, как же его звали? Ага, Федженс из Мичиганского университета... Так вот, этот Федженс тридцать два года исследовал пять поколений одной и той же семьи. Семьи страдали от диабета. Федженс составил общий банк генов всех родственников, а ученый-генетик Белл сравнивал

наследственные цепочки людей, больных диабетом и здоровых. Таким образом определили те участки генетической цепочки, которые могли быть виновны за возникновение заболевания. Но это было только начало! Потребовалось три с половиной года напряженной работы, чтобы разобраться во всем этом как следует! Одним словом, хорошо-то хорошо, да ничего хорошего...

– Помню, помню! – обрадованно воскликнул Питер. – Нам об этом в школе рассказывали! Такие исследования проходили по всей стране!

– Точно. – Доктор вытянул из кармана платок и вытер пот. – Но когда США распались, большинство молодых государств стали прятать информацию от ученых других стран. А теперь и корпорации ввели режим строгой секретности. Куда... э-э... более строгий... Так что к настоящему времени геномная программа почти совсем заглохла...

– Но ученым же все равно удалось получить карту наследственных признаков человека? Настоящего, здорового... – Глаза Питера горели.

– Да, – согласился доктор, – такая наследственная карта существует. Но все пока слишком общо. В целом, так сказать... Наряду с теми генами, которые нам удалось «прочитать», существует еще множество цепочек, смысл которых мы понять не в состоянии. Конечно, они у нас обозначены на карте, но мы вынуждены их игнорировать. Одни из них, как мы считаем, являются побочным продуктом эволюции,

другие отвечают за какие-то функции организма. За какие – пока неизвестно... Третьи – регулируют процесс воспроизводства генов, но каким образом это происходит...

– А какие-то из них являются причиной появления людей, – мрачно добавил Питер.

– Да. – Доктор заерзал на стуле. – Сначала мы думали, что эти гены являются чужеродными, внесенными извне образованиями, что они были привнесены в наши организмы магическими обрядами или как-то еще... Мы на самом деле... э-э... плаваем в этих вопросах. Единственное, в чем мы сошлись, так это в том, что магия разбудила не работавшие до сих пор гены... ведь в наследственной цепочке работают далеко не все звенья... э-э... так сказать. Многие заложенные в нас способности как бы спят. Они есть в организме, но как бы в неявной, пассивной форме.

– Вы говорите, что мой набор генов есть часть моего существа, – перебил доктора Питер. – Значит, я – тролль, потому что мои хромосомы оказались таковыми и с этим ничего не поделаешь? Просто надо принять этот факт и смириться?

– Да. Такова, так сказать, твоя природа. – Доктор покивал головой.

– Но диабет – это болезнь. Правильно?

Доктор сделал паузу. Он явно не понимал, к чему клонит Питер. Потом согласился:

– Так и есть...

– И ученые изучали наследственный аппарат, чтобы найти

средство для исцеления страдальцев. Так?

– Да.

– Чтобы изменить какие-то участки в наследственных цепях...

– Вот ты о чем! – наконец-таки понял доктор. – Пойми, сахарный диабет – это болезнь. А ты, как я уже сказал, совершенно здоров.

– Ага, этакий совсем здоровенький! Как те, которых избивали в Сиэтле! Жгли в собственных домах! Народ считает, что мы больны. И что болезнь наша – заразная...

Доктор протестующе замахал руками:

– Это проблема взаимодействия с окружающим миром. Корень зла в окружающих, а не в твоём теле!

Питер отвернулся. Ему так много хотелось сказать, но слов не было. Сердце забилося быстрее. Тело напряглось.

Нет, что-то в его ощущениях было не так. Не так, как всегда. Чужое сердце колотилось в груди. Напрягалось чужое тело. Не его! Он глянул поверх простыни. Под белой тканью куполообразно возвышалась грудь, дальше выделялись огромные колени и голени. Все это было чужим, вовсе не человеческим. Это тело не могло принадлежать отроку, которому исполнилось пятнадцать лет. Оно было слишком велико для него, слишком массивно. Тело тролля...

– Все это не для меня! – Голос Питера задрожал. – Я не хочу, чтобы все это происходило со мной.

– Питер, мы не знаем, как все происходит. Мы еще не на-

учились управлять генами! – Доктор нервно кашлянул.

– Я постараюсь научиться...

– Может, у тебя что-нибудь и получится... – с печалью в голосе ответил док, и Питер понял, что тот хотел сказать нечто совсем противоположное. – Мне надо идти. Утром придет отец и заберет тебя домой.

Доктор повернулся и вышел.

Питер вздохнул, расслабился и попытался устроиться как можно удобнее. Как то позволяли стягивающие его тело ремни... Ничего! Теперь уже недолго осталось! Утром придет папочка и заберет его отсюда.

* * *

На следующее утро доктор пришел в палату вместе с каким-то мужчиной. Питер сразу же догадался, что это и есть знаменитый специалист по метахомикам.

– Доброе утро, Питер, – сказал док и представил своего спутника: – Это Томас. Томас, познакомьтесь – Питер.

Томас оказался таким здоровяком. Высокий, плотный, с круглым румяным лицом... Питер мельком глянул на него и жадно уставился на захлопнувшуюся дверь. Все высматривал и высматривал, когда появится отец. Но никто не появлялся. Он удивленно посмотрел на доктора. Может, папочка опаздывает? Может, он придет попозже? Оба посетителя молчали. Видимо, ждали, когда же Питер наконец-таки по-

здоровается.

– Доброе утро, – разочарованно откликнулся он. Томас подошел к постели:

– Я бы хотел сам с ним поговорить... – Он в упор посмотрел на доктора. – Спасибо.

Доктор кивнул и вышел из палаты.

– Как ты себя чувствуешь? – улыбнулся Томас.

– Отлично.

– В самом деле? – Он удивленно поднял брови. – Я, в общем-то, рассчитывал встретить человека, который чуточку выбит из колеи.

Питер задумался. Он никак не мог понять, нравится ему этот человек или нет. Поэтому решил промолчать.

Томас наклонился и стал ловко расстегивать зажимы на ремнях, которыми был спеленут Питер. Прodelывал он все это так, словно просил прощения за людей, которые круто обошлись с мальчиком. Наконец, когда последняя застежка была отстегнута, он кивнул Питеру:

– Подожди-ка секундочку!

Затем поднял правую руку подростка и осмотрел ее. В том месте запястья, где рука была схвачена ремнем, остался голубоватый четкий след. След был здорово заметен, ведь тело Питера отливало странным зеленовато-бурым цветом. Томас улыбнулся и стал растирать затекшее место. Эта процедура почему-то Питеру не понравилась. Он попытался отдернуть руку, но у него ничего не вышло. Его набухшая, похожая на

кусочек бревна рука отделилась от кровати и ударилась о низкую белую тумбочку. «Вот так! Я совсем разучился владеть своим телом!» – с горечью подумал Питер.

– Полегче, полегче! – успокоил его Томас. – Попробуй расслабиться! – Потом положил руку на прежнее место и вновь принялся растирать запястье.

Питеру все это страшно не нравилось, но на этот раз он двигаться не стал. Кто знает, что из этого выйдет. Лучше уж лежать тихо. Через какое-то время он почувствовал облегчение. Застоявшаяся кровь наполнила капилляры и хлынула в пальцы.

Томас опять улыбнулся, встал и принялся массажировать то руки, то ноги Питера. Как раз в тех местах, где ремни больно врезались в тело. Потом Томас отдернул простыню и стал растирать грудь. Выверенные, точные движения... Вот массируется шея... вот плечи... вот пальцы ног...

Питер поглядывал на Томаса. Тот работал с увлечением. Сразу было видно, что он классный специалист. В конце концов Питер закрыл глаза и отдался его мягким крепким рукам. Через несколько минут Томас попросил пациента перевернуться на живот. Питер приподнялся, дернулся и опять упал на кровать. У него ничего не вышло. Он никак не мог совладать со своим огромным телом. Томас подхватил его, как ребенка, перевернул и стал массировать – от шеи к ногам, от шеи к ногам... К тому времени, когда Томас добрался до копчика, Питер уже мурлыкал от удовольствия.

Процедура длилась минут сорок. Когда все было закончено, Томас сложил руки на груди и участливо спросил:

– Ну как? Теперь ты готов отправляться домой?

Питер ойкнул. Он подумал, что ему, видимо, лучше было бы остаться в больнице, рядом с этим замечательным умельцем Томасом... Полежать, окрепнуть, привыкнуть к тому, что с ним произошло, чем возвращаться в родной дом... Он уже откровенно сердился на папочку. Почему он все-таки не пришел? Занят? А может быть, не хочет лишний раз смотреть на Питера? Но выбора у него не было.

– Вы же пойдете со мной, правда? – бодро спросил он.

– Да. Твой отец уже приготовил для меня комнату. Я буду жить вместе с вами.

Это было хорошо, но Питер постарался не выказать своих чувств.

– Ну что ж, давай продолжим. – Томас опять подошел к кровати. – Попробуй-ка сесть.

Питер с трудом перевернулся на спину, потом оперся на руки и приподнялся. Томас подоспел вовремя и поддержал спину. Тяжелая процедура! Питер чувствовал себя мешком с удобрениями.

Он медленно выпрямился и тут же потерял равновесие. Томас опять подоспел вовремя и поддержал его.

– Я такой высокий... – Подросток растерянно посмотрел на себя.

– Да уж! Ну-ка вытяни руки. Пришло время стать насто-

ящим амбулаторным больным.

Питер вытянул руки, и Томас тотчас стянул с него больничную одежду. Потом открыл принесенную с собой сумку и вытащил оттуда просторную рубашку с короткими рукавами и шорты.

– Как раз по размерам тролля? – недоверчиво спросил Питер.

– Да. Твой отец подготовил целый гардероб. Остальное в моей сумке. А ну-ка подними руки!

Томас обращался с ним, как с младенцем. Накинул рубашку на голову, помог просунуть руки в рукава, потом сказал:

– Теперь ложись на спину.

Питер лег. Тело подчинялось ему с таким трудом, что он со страхом подумал, – а сможет ли он вообще когда-нибудь встать. Томас натянул на него шорты.

– Прекрасно. Теперь поднимайся!

Питер напряг мышцы живота – корпус чуть оторвался от постели. Силенок ему явно не хватало, он упал на кровать. Пошевелил руками, поднял их – трудно... каждое движение давалось с трудом... Попытался сесть еще раз – ничего не вышло. Брюшной пресс либо совсем ослаб, либо перестал ему подчиняться. Томас обошел кровать и правой рукой сильно толкнул Питера – тот сразу же сел. Подростку было стыдно – ну что он как младенец из: люльки, беспомощный, нуждающийся в поддержке... Он горько рассмеялся про се-

бя – хорошие ему предстоят денечки... Удары, тычки, зуботычины, оплеухи, пощечины так и посыпятся на него ей всех сторон! Прямо с сегодняшнего утра все и началось – первым отлупил его санитар, теперь Томас толкает изо всех сил, помогая встать.

– Подожди минуту! – сказал Томас и вышел в коридор. Через несколько секунд он появился снова вместе с креслом на колесах, отделанным серебристым металлом.

– Это для меня? – с испугом спросил мальчик.

– Я позаимствовал у больничной охраны, чтобы ты мог выехать отсюда, – успокоил его Томас. – Питер, ты скоро сможешь ходить, хотя в первое время это будет нелегко. Собственно, поэтому меня и приставили наблюдать за тобой. Кстати, мы должны сотрудничать. А о слабости своей не волнуйся: скоро ты станешь так силен, что сам удивишься. Будешь как огурчик. Куда крепче, чем до трансформации.

Он сказал это так просто – «трансформация», – что Питер не поверил собственным ушам. В устах Томаса этот термин не имел того пугающего, леденящего значения, которое каждый раз потрясало Питера, когда он задумывался о том нелепом, чудовищном превращении которое с ним случилось. Ясно, что Томас как врач уже не раз сталкивался с подобными случаями. Вон у него какие профессиональные ухватки... Видно, немало прошло через его руки пациентов, бывших когда-то нормальными людьми, а потом проснувшихся и обнаруживших, что в один прекрасный день они стали

монстрами. Как это все-таки страшно! Был человек человеком – и вдруг стал представителем чуждой расы. И нечего трепаться насчет генов! Кому это интересно? Он что, каждому встречному начнет объяснять теорию наследственности? И что объяснять-то? Что он точно такой же человек, как и другие? Кто в это поверит?! С первого взгляда ясно, что он – чудовище и ничего, кроме страха, вызвать не может. Разве что Томас притерпелся, ведь это его работа...

Врач подкатил кресло к самой кровати и приказал:
– Замечательно! А ну-ка встань.

Питер с трудом подтащил себя к краю постели. Неожиданно для него самого его ноги коснулись пола. Точнее, стукнулись об пол. Он напрягся, попытался удержать себя в вертикальном положении и встать, но понял, что слишком ослаб, и тут же оставил все свои попытки. Страшно было вытянуться во весь рост, а потом, потеряв равновесие, рухнуть на настиленный на пол линолеум. Он не чувствовал ни рук, ни ног – его конечности словно принадлежали кому-то другому.

– Я не могу. Двинуться не могу... – дрожащим голосом выговорил он.

– Нет, ты можешь. И сможешь. Расслабься-ка, вот так. – Томас подошел и положил руку Питера к себе на плечи. – Вот и хорошо. Сейчас мы встанем. Ты готов? Раз... два... три!

Томас опять изо всех сил пихнул его в спину, и Питер неожиданно для самого себя потянулся и взгромоздился на

собственные ноги. Его тут же повело в сторону, но врач оказался крепким парнем – он ловко подхватил его под локоть и вернул в состояние равновесия.

Питер сверху вниз посмотрел на Томаса – тот задрал голову и с явным удовольствием оглядел Питера. Потом, улыбнувшись, спросил:

– Ну как, большой парень?

– Я такой огромный!...

– Ты еще растешь, Питер. И будешь расти.

– Не может быть!

– Тролли, случается, достигают трех метров. Питер дернулся, но попытался улыбнуться.

– Доктор сказал, что я не тролль, – вежливо поправил он.

– Так-то оно так, но люди, в большей своей массе, доверяют очевидному. Когда все будет закончено, Питер, ты сам решишь, как себя называть. Но я со своей стороны буду величать тебя троллем. – Он не дал Питеру возразить. – Ну-ка, ну-ка, а теперь переберемся в кресло...

Томас помог подростку опуститься в кресло. Питер опустил руки на подлокотники. В тот момент, когда он садился, ему показалось, что пол как-то странно поехал влево. Он инстинктивно наклонился вправо, и вдруг – комната перевернулась, а перед глазами мелькнул выдавленный на линолеуме рисунок. Раздался страшный грохот. Он закрыл глаза от ужаса, а когда открыл их, обнаружил У своего носа все тот же рисунок на линолеуме. Узор был стерт и едва проступал

– сколько же ног должно было пройти по гулкому полу этой палаты?...

Врач опустилсЯ возле него на колени, положил руку на спину:

– С тобой все в порядке?

Питер зарычал. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы Томас оставил его в покое. Пусть уходит! Пусть никто на свете не видит, в каком положении находится Питер.

Бревно бревном! Ни рукой, ни ногой шевельнуть не может. До слез обидно. Стыдно!

– Я не хочу...

– Что? – не понял врач.

– Я не хочу возвращаться домой. Не хочу, чтобы папа видел меня... такого. Лучше я здесь останусь...

Питер вытянул руки. Он словно бы пытался вцепиться в гладкий поблескивающий пол. Если бы ему это удалось! Никто не смог бы оторвать его и вытащить отсюда. Волей-неволей, а им пришлось бы оставить его в больнице.

– Питер, ты упал. Ну и что! Это бывает сплошь и рядом. Сила тяжести на всех нас действует одинаково, да и кто в своей жизни хотя бы раз не вставал на четыре точки! Это участь любого существа, живущего на земле. Такова наша судьба. У нас есть воздух, вода, пища. Разве этого мало? И все это результат действия силы тяжести. Так что с ней надо просто-напросто смириться.

Питер повернул голову и глянул на Томаса:

– Что же тогда называют адом?

– Я не говорил, что у нас все прекрасно. Но меру плохого и хорошего в жизни определяет сам человек. Ладно, поднимайся! Ты же не собираешься всю жизнь лежать на полу!

– Почему бы и нет. Если бы я не пытался встать, я бы не упал, – зло буркнул Питер.

– Логика у тебя непробиваемая. Но ты ничего не сможешь сделать, если не встанешь. – Томас откровенно смеялся.

Питер оставался неподвижным. Он словно бы сомневался, а стоило ли ему вообще шевелиться, трепыхаться, двигаться? Чтобы потом вновь рухнуть на пол? Он и в самом деле не испытывал никакого желания подниматься. Конечно, он понимал, что это простое детское упрямство и в конце-то концов смешно вот так вот лежать на полу.

И вдруг он подумал: а имеет ли он теперь право на подобные глупости, на капризы, нытье, поиски участия? Дождаться сострадания и ласки от санитаров? Как же, дождешься!... И подобных им большинство... Они будут только рады, если он останется лежать на полу, а если он еще и расплачется – то-то для них будет потеха! Вот уж весело начнут они отплясывать на нем!... Эта мысль отрезвила его. Он поднял руки, согнул их в локтях и попытался оторваться от пола. Томас бросился ему помогать, и Питер кое-как встал на колени. Полдела было сделано. Но только полдела. И на коленях не проживешь, хотя даже в таком положении он оказался чуть ли не выше Томаса. А если еще выпрямиться, рас-

править плечи, подтянуться – так и совсем высоко. Только смешно пыжиться, стоя на коленях. Вот когда он вытянется в полный рост, тогда можно будет подтянуть живот, выпятить грудь, вскинуть голову. Ну-ка, санитары, ближе, ближе... Еще ближе... Но для этого надо подтащить правую ногу, изловчиться поставить ее на ступню. Ой, как больно! Какой он неуклюжий! Это движение далось ему с большим трудом. А вот с левой ногой справиться оказалось куда проще. Теперь последнее усилие... Так, осилили! Теперь надо отдышаться, а потом он уже самостоятельно попытается добрат-ся до кресла...

– Что ж, совсем неплохо, – одобрительно кивнул Томас.

Питер коротко посмотрел на него, а потом решил объяснить:

– Я должен научиться владеть своим телом не хуже, чем до...

Томас поиграл бровями, встал сзади и покатил кресло к двери.

– Это невозможно! – неожиданно выговорил он.

– Что вы имеете в виду?

– Питер, твое прежнее тело... оно в прошлом. Оно утеряно навсегда.

Когда кресло выкатилось в огромный холл, Питер, привыкший к тишине больницы, невольно поразился: как, однако, шумен и звонок окружающий мир! Здесь, в приемном зале, находились врачи – они то входили, то скрывались в

коридоре, то опять возвращались к экранам небольших личных компьютеров. На экранах что-то светилось. Автоматические устройства заносили сведения в память, отвечали на вопросы... То тут, то там проезжали механические носилки, сигналили на ходу, призывая дать им дорогу, – на их панелях перемигивались лампочки; именно здесь располагалась клавиатура для набора кода-задания, которое должны были выполнить эти самодвижущиеся тележки. За прозрачной стеной сидели медсестры – они что-то говорили в микрофон и выслушивали ответы. Наверное, записывали больных... Причем все разговаривали в полный голос. Никто не обращал внимания на соседа.

В глубине зала Питер заметил трех похожих на него троллей, четырех орков, подальше были видны эльфы. У некоторых руки и ноги были в гипсе, другие лежали на носилках.

– Они что, тоже превратились, как и я? – удивленно спросил Питер.

– Нет. – Томас отвел глаза. – Они помещены в отдельный корпус для металюдей. Проходят обычный курс лечения.

– Похоже, что это все, кто остался в живых? – решил уточнить Питер.

– Ты прав. Им еще повезло. Ведь беспорядки вышли за пределы Сиэтла. Волнения прошли по всем Объединенным штатам, в Калифорнии, даже в некоторых индейских государствах... Сегодня утром я слышал, что и в Лондоне прокатилась волна бунтов. Да и у нас было беспокойно, множе-

ство требований, угрозы... Настаивают, чтобы металюди были изгнаны из госпиталя. И та же самая история по всему континенту.

– Но почему?

– Не знаю, может, человеческая глупость? – Томас удивленно пожал плечами. – Я действительно не могу этого понять. Большинство считает, что металюди заразны и при соприкосновении с ними возникает опасность заражения. Это, мол, какая-то эпидемия, болезнь... Тут сразу вспоминаются проблемы, какие были со СПИДом или с мором, вызванным ВИТАСом... Не знаю.

– Теперь, значит, госпиталь избавляется от нас? – задумчиво протянул Питер. – Поэтому и меня отправляют домой...

– Нет. – Томас постучал руками по спинке кресла. – Ты был внесен в список на выписку еще до того, как прошлой ночью начались волнения. Этих больных отправляют в особые секретные убежища. Там о них позаботятся. Так, по крайней мере, мне сказали. Администрация, мол, не может рисковать их жизнями. А то того и гляди обезумевшие фанатики доберутся до них.

– Что, они убивают подобных мне прямо на улицах?

– Не совсем так... Мне понятен твой гнев...

– Я вовсе не разгневан, – скороговоркой ответил Питер, хотя в душе он знал, какую волну ярости вызвало в нем это обстоятельство.

– Конечно, ты расстроен... – начал Томас, но Питер раздраженно перебил его:

– Вовсе нет!...

– А вот санитар, которому ты прошлой ночью отбил почку, не сможет в течение трех недель приступить к работе.

– Как? – Питер широко раскрыл глаза.

– Успокойся. – Томас положил руку ему на плечо. – Я просто хотел привести пример, чтобы ты понял, что внутри твоего организма произошли крупные изменения. Они еще не закончились. Бессмысленно отрицать это. Что касается санитара, с ним все в порядке. Подобные случаи не редкость в их работе. Как говорится, издержки профессии...

Они добрались до лифта. Стрелки возле сомкнутых дверей мигали: вверх – вниз. Глядя на бегающие огоньки, Питер решил, что его палата находилась на третьем этаже.

За створками послышалось шипенье, они плавно раздвинулись, и Томас вкатил внутрь кресло. В лифте стояла красивая женщина с маленьким кудрявым мальчиком. Она подозрительно глянула на Питера, попыталась скрыть страх и передвинула ребенка за спину. Потом внезапно подняла малыша на руки и выскочила из лифта. Двери тотчас же закрылись.

В груди у Питера похолодело.

– Не расстраивайся, – сказал Томас. – Она просто испугалась.

Томас подвез Питера к автомобильной стоянке, к боль-

шому полугрузовому «фольксвагену» – «Суперкомби Ш». Они остановились возле тех дверей, где можно было сесть в пассажирский салон. Врач распахнул их, и Питер попытался осторожно встать. Подняться-то он поднялся, но его тут же повело в сторону, и он почти рухнул грудью на дверь. Удержался, переставил ноги – и только тут обратил внимание на отражение своего лица в автомобильном стекле. До сих пор никто в госпитале не приносил ему зеркало – теперь было понятно почему.

Зубы у него стали огромные, а из нижней десны торчали два похожих на собачьи клыка. Они были так длинны, что заходили на верхнюю губу. Глаза пожелтели. Теперь они были глубоко посажены в глазницы. Голова... Голова имела чудовищные размеры, к тому же ее украшали большие остроконечные уши. Питер даже в бреду не смог бы вообразить подобную внешность. Он поверить не мог, что это его лицо. Может, стекло что-то исказило?

– Нет, – неожиданно откликнулся Томас, который уже несколько минут терпеливо стоял рядом. – Ты не ошибся. Это твое лицо. Ну что, готов? Давай-ка попробуй залезть в машину.

Он опять стал поддерживать и подталкивать Питера, и вскоре они уже сидели в салоне. Поерзав, подросток с удивлением обнаружил, что сиденье ему впору и голова не упирается в потолок. Наверное, все было предусмотрено заранее...

Томас тем временем погрузил кресло в заднее, багажное отделение, затем сел на место водителя и включил мотор. Он помалкивал, а Питер все еще продолжал рассматривать свое отражение в стекле. Оторваться от собственного лица он смог только дважды: в первый раз его внимание привлекла кричащая толпа, а потом кто-то швырнул бутылку в их автомобиль.

– Кажется, в госпитале я был в большей безопасности, – уныло сказал Питер.

– Может, поэтому судьба и наградила тебя дубленой шкуркой. Тебе придется с этим смириться. – Томас заговорщицки подмигнул подростку.

– Почему я должен с этим мириться?

– Может быть, тебе и не следует выказывать покорность. Однако куда денешься! В чужой монастырь со своим уставом не лезут. Так устроен мир. Люди глупы, с этим ничего не поделаешь.

– Но разве мы не в состоянии сами изменить правила игры? – Тут Питеру на язык само подвернулось подходящее слово – «закон». – Я думаю, что следует издать закон...

Томас поиграл бровями.

– Эх, Питер... Во-первых, кто пишет законы? Люди. Они придумывают законы. Так что тебе не удастся, прикрывшись законом, избежать общения с людьми. И если природа допустила, что ее высшее достижение – человек – не более чем скопище грехов, пороков и откровенной тупости, что с этим

поделаешь? И эти ослы еще в поте лица трудятся над составлением законов! Что хорошего можно от них ждать? Вторых, любой, даже самый превосходный закон можно проигнорировать. Ты не сможешь в судебном порядке заставить людей быть умными. Доброту, человеческое отношение к подобному тебе нельзя внедрить распоряжением. Люди всегда будут делиться на плохих и хороших. Да-да, вот так просто – на хороших и плохих. От этого не отвертишься. Это вечная истина.

– Доктор утверждал, что, по его мнению, люди в конце концов станут лучше... – Питер умоляюще посмотрел на Томаса.

– Возможно, он прав, – пожал плечами тот. – Не отрицаю, что может наступить такой день, когда я соглашусь с ним. В старости, например... Или кто-то сможет переубедить меня. Кто знает...

Они ехали долго. Наконец машина миновала лес и подкатила к маленькому старинному домику, украшенному накладными металлическими пластинами. Питер никогда раньше не видел его. Или он не прав? Вот чертова память!...

– Выходит, здесь я буду жить?

– По-видимому... – Томас потянулся и вытащил из кармана записную книжку, потом неторопливо заглянул в нее. – Мне дали именно этот адрес. Что-то не так?

– Нет, простите. Как раз здесь я живу. Просто запомнил. Мы переехали сюда три недели назад. Ой, что я – семь

недель назад. – Подросток осторожно потрогал лоб. – Я так поглупел за это время. И мысли все какие-то вялые, словно ватой укутаны.

Томас повернулся и, прищурившись, посмотрел на Питера:

– У меня создалось обратное впечатление. Как раз глупцом тебя не назовешь. Почему ты считаешь, что сильно поглупел?

– Но ведь я же тролль! Значит, я стал совсем безмозглым! По крайней мере, дурнее, чем раньше...

Врач усмехнулся:

– Питер, твои способности восстановятся вместе с физическими возможностями. Эти процессы взаимосвязаны. Конечно... здесь много нюансов... Если тело изменяется в значительной мере, то мышление чаще всего остается таким, каким было до трансформации. Есть, конечно, отличия. Например, вялость мыслей, некоторое тугодумие. Это вовсе не тупость, просто процессы мышления у троллей идут гораздо медленней, чем у нормальных людей. Когда ты был человеком, – Томас невозмутимо заглянул в записную книжку, – твой IQ⁶ составлял 184 пункта. Это очень много. Возможно, ты не будешь так же сообразителен, как и раньше, но это никому не известно. В этих вопросах наука еще до сих пор плавает.

Слова Томаса больно кольнули в сердце. Питер уже начал

⁶ Коэффициент интеллектуальности

свыкаться с мыслью, что его мозги стали подобны коровьим – ну, может, чуть поумнее... Так легче прожить. Ни тебе надежд, ни достойного будущего. Оттопал свой век – и в могилу. Да и папочка вздохнет свободнее. Неприятно, конечно, но что поделаешь.

Врач как будто читал его мысли:

– Не рассчитывай на это. Выбор за тобой. Ты можешь решить, что все тебе о самом себе известно – и глуп, мол, и уродлив. С тем и жить. А можешь постоянно наблюдать за собой, не бояться трудностей, лицом к лицу встречать то новое, что поселилось в тебе, изучать его, пытаться досконально познать самого себя...

Питер ничего не ответил. Тогда Томас продолжил:

– Конечно, решение можно принять и попозже. Оно может подождать, но выбирать все равно придется. И не думай, что ты такой особенный. Каждое живое существо рано или поздно сталкивается с подобной альтернативой.

Пока Питер с помощью Томаса добирался до входной двери, несколько соседей оживленно что-то обсуждали и во все глаза смотрели на тролля, неуклюже ковылявшего к своему коттеджу. Войдя в дом, Питер с интересом оглядел прежние апартаменты. Обстановку сменили – теперь мебель выглядела тяжеловесной, прочной. Все, что можно было, укреплено металлическими листами... Как раз то, что ему нужно.

Томас принес сумку с грудой одежды, которую накупил троллю отец. Здесь были и рубашки, и брюки, и ботинки,

сшитые как раз на его размер ноги. Питер догадался, что все эти вещи стоили кучу денег. Он расстроился от этой мысли – в какие расходы он вогнал папочку? И потом... Как же выходят из положения те тролли, которые бедны и не в состоянии заплатить за свой гардероб? Он тотчас же спросил об этом у Томаса.

– Хороший вопрос, – кивнул тот. – В общем-то, промышленность не производит одежду таких размеров, которая сгодилась бы троллям и оркам, – слишком мало покупателей, узок рынок. Поэтому метахомики вынуждены шить себе сами. Цвет и фасон при этом не имеют значения. Вид, конечно, непрезентабельный...

Питер удивленно оглядел ворох одежды. На его взгляд, все было достаточно приличного качества. Томас был чрезмерно строг.

– Ты не понял, – сказал врач. – Я не имел в виду именно эти вещи. В некоторых странах, особенно там, где средний уровень жизни достаточно высок, троллям приходится и одеваться поприличней. Иначе не выжить...

Томас развесил одежду на плечики и убрал в шкаф, потом спросил:

– Итак, Питер, что ты предпочитаешь – отдохнуть или заняться работой?

– Заняться работой... – живо откликнулся подросток.

– Отлично. Тогда – вперед!

И Питер принялся ходить. Туда и обратно, от двери до ок-

на, потом вокруг дома. Он взбирался и спускался по лестнице, вышагивал вдоль клумб, неуклюже огибал деревья. Томас не мог скрыть изумления – откуда такое упорство? Питер и сам не мог этого объяснить. Мальчиком-подростком он проявлял куда меньше рвения и трудолюбия. Только тогда, когда тролль смог передвигаться без помощи Томаса, он позволил себе отдохнуть.

* * *

Отдохнув, Питер снова принялся ходить – до самой ночи!... Ходьба здорово утомляла тролля, но, к его собственному удивлению, каждый раз, когда казалось, что он уже не в состоянии шевельнуться, сил у него прибывало. Вот так – обопрется о стену, постоит, отдышится и снова воюет с собственным телом.

Часа через четыре он вспомнил о папочке и представил, как тот удивится, застав его разгуливающим по квартире. Вот какие усилия приложил сынок, чтобы поскорее встать на ноги! С минуты на минуту отец должен был вернуться из университета. Но время шло, а отца не было. Питер ждал до полуночи, а потом решил, что этой ночью отца ему уже не дожждаться. Тут он вспомнил, что раньше его папочка – Уильям Клерис – любил засиживаться допоздна в своей лаборатории. Ничего странного в том не было.

– Знаешь, Томас, я все-таки здорово устал, – сказал Пи-

тер, пытаясь скрыть свое разочарование. Даже в такой день отец не смог пораньше выбраться домой! – Я все-таки лягу...

Врач изучающе посмотрел на него, потом кивнул:
– Конечно.

Когда тролль уже лежал в постели, Томас снова стал массировать его тело.

Откуда-то издалека доносился вой полицейских сирен, крики, звон разбитого стекла, но здесь, в Гайд-парке, все было тихо. Жители этого района хорошо платили за безопасность – и получали ее в достаточной мере. Волнения в городе никогда не переходили границ богатых кварталов.

И все-таки Питер чувствовал острую беспричинную тревогу. Никакая внешняя охрана не могла принести успокоение его душе... Разве что Томас, хорошо умеющий обращаться с троллями...

* * *

Когда Питер проснулся, ему сразу же бросились в глаза полки, забитые оптическими чипами. Что это? Только спустя несколько минут он вспомнил, что все эти дискеты – его. Чего только на них не было записано! И популярные рассказы по биологии – особенно много сведений по строению клетки и роли ДНК в воспроизведении жизни, и лекции по истории, литературе. Детали он вспомнить не смог, а потом и вовсе засомневался – да читал ли он всю эту груду инфор-

мации? От этого вопроса стало совсем грустно.

Кто-то постучал в дверь.

– Войдите, – подал голос Питер. Сердце забилося гулко, тревожно. Это, конечно, папочка.

В комнату вошел Томас.

– Доброе утро! – приветливо сказал он.

– Доброе, – откликнулся Питер. Он не мог скрыть своего разочарования.

– Что случилось? – поинтересовался Томас.

– А где папа? Врач вздохнул:

– Видишь ли... Он ушел очень рано. Сказал, что не хочет тебя будить.

– Хм...

Питер бросил взгляд в сторону полок.

– Ты так много прочитал? – Томас явно хотел поддержать разговор.

– Может быть, – огрызнулся тролль. – Не знаю. Я ничего не могу вспомнить.

Томас кивнул. Эта тема явно пришлась ему по душе.

– В нынешнее время большинство людей очень мало читает, – осторожно сказал он.

Питер вспомнил – так и есть. В начальной школе товарищи смеялись над ним, когда он говорил, что папочка хочет, чтобы он научился читать. По-настоящему!... А не разбирать по буквам, не ограничиваться разглядыванием картинок в тридео. Нет, именно читать. А еще и писать – то есть

собственноручно выводить на бумаге древние значки, с помощью которых когда-то передавали сообщения. – Мне кажется, я любил читать...

– Глядя на такое количество дискет, я бы сказал, что это правда.

– Я делал это, чтобы доставить удовольствие отцу.

– О-о! – Томас удивился, потом подошел к полкам и начал перебирать тонкие пластиковые квадраты. Он прочитал названия и окликнул Питера: – Держу пари, что вот эти – твои любимые... «Остров сокровищ»... «Волшебник страны Оз».

– Одноклассники называли меня «упертым»! – Питер мрачно хихикнул – Они говорили, что видео и тридео куда интереснее.

– Это разные вещи.

– Я не помню...

– Ты бы не хотел опять научиться читать, писать? Питер поколебался, потом, собравшись с духом, проговорил:

– Томас, вряд ли я сумею научиться читать. Я забыл, как это делается.

Он замолчал. Подбородок задрожал. На глаза навернулись слезы. Кто знает – научится он читать или нет? То, что раньше он это умел, а теперь не умеет, доставило ему острую боль. Вот что было ясно – в ту пору, когда он умел читать и писать, эти качества резко отделяли его от остальных детей, которым в будущем суждено было стать потребителями информации, а не ее производителями. Конечно, в подобной

отчужденности не было ничего плохого, но в любом случае он явно выбивался из общей массы.

– Если ты хочешь, так этому недолго научиться! – ободряюще кивнул ему Томас.

– А если я не смогу?

– Я уверен, что ты сможешь вновь научиться читать. Любой тролль способен на это. А тебе это будет значительно легче, так как я подозреваю, что в прошлом – человеческом – обличье ты был настоящий гений!

– А что, если я не смогу? – Питер упрямо повторил свой вопрос.

– Ну, если у тебя от подобных разговоров портится настроение, так и не надо об этом говорить. Правда, еще и в наше время встречаются люди, которые предпочитают чтение любым видео. Для этого всего-то надо выучить буквы. А тебе – только вспомнить их. Люди, которые умеют читать, тоже смотрят и тридео, и плоский экран – новости, например, или что-то веселенькое. Они и с компьютерами, управляемыми голосом, работают. Конечно, таких людей немного. Для большинства занимающихся чтением это их работа. Они должны уметь читать по долгу службы, иначе им придется прекратить всякие научные исследования. Нельзя, скажем, будет заниматься медициной или новыми техническими разработками. Но таких, как ты сказал, «упертых», мало. Ты вполне сможешь прожить и не занимаясь чтением. Если желаешь... Тогда тебе просто придется выучить несколь-

ко слов, например, слово «стоп». Слова будут помогать тебе управлять машинами. Этого вполне достаточно.

– Вы хитрый! – недоверчиво ухмыльнулся Питер. Томас тоже улыбнулся:

– Почему ты так решил?

– В ваших словах... что-то скрыто. Вы меня уверяете, что можно прожить без чтения, а на самом деле... подразумеваете совсем другое. Вы считаете, что мне не к лицу быть простым пожирателем информации. Что картинок и голоса для меня слишком мало.

– Правильно, правильно и еще раз правильно. – Томас довольно захохотал. – Я верный поклонник чтения. Любого!... Давным-давно, когда был принят свод законов, отдававший приоритет государственной системе народного образования, все филологические программы, все учебные планы были изменены в пользу так называемых «звуковых» методов обучения. Законодатели решили, что полное начальное образование – слишком дорогая штука и не так уж оно необходимо. Они провозгласили, что главное, чтобы человек умел справляться со своей работой. Но вот о чем забыли наши умники – или, может, просто не знали, – развитие возможно только в том случае, если каждый гражданин знает больше, чем ему необходимо для исполнения служебных обязанностей. В наше время люди учат слова, а не буквы – вот в чем корень проблемы. Почему нормальные люди швыряют камни и пустые бутылки в троллей и орков? – неожиданно спросил

Томас у Питера и сам себе ответил: – Ответ такой – это расизм! Слово-символ «расизм» является как бы видеосимволом. Подобный образ краток, прост, но на этом все его достоинства кончаются. Смысл слова, явление, скрывающееся за ним, теряются, остается только понятие. Вот эти-то лишённые смысла понятия укладываются в пачки, а потом выносятся на экран. Таким образом komponуются, например, новости. Слово «расизм» становится неким цельным символом. Набор таких символов попадает в мозг и там закрепляется с помощью тут же прокрученных сцен насилия, страшных сцен, в которых люди убивают людей. Но самое главное в другом – при такой подаче материала теряется предыстория явления.

– Но ведь некоторые люди умеют читать. Я, например. Вы...

– Питер, наши родители принадлежали к высшему классу. Они могли позволить себе послать нас в лучшие школы, где давали более широкое и углубленное образование. Общество все еще нуждается в тех, кто активно читает. В таких, как мы.

Питер надолго задумался. Томас тоже помалкивал, потом наконец нарушил тишину:

– Прости, если я коснулся больной для тебя темы. Я просто хотел подчеркнуть, что и в нынешнее – сложное! – время хорошее образование очень важно.

Он приблизился к постели и спросил:

– Ну как, займемся массажем?

Питер перевернулся на живот и порывисто вздохнул, когда руки Томаса коснулись его шеи. Приятная, расслабляющая и в то же время заряжающая энергией волна побежала по телу. Врач закончил массировать ноги и попросил:

– А теперь перевернись на спину...

Питер покорно исполнил его просьбу. Веки сами собой закрылись. Открыл он их, когда Томас принялся разминать его плечи. Открыл – и замер, ошеломленный!... Его поразили глаза Томаса... Густо-золотистые... А зрачки-то, зрачки! Черные вертикальные черточки, чуть подрагивающие и искрящиеся при переливах света. И с кожей Томаса тоже что-то произошло. Она приобрела слабый, но совершенно отчетливый зеленоватый оттенок. Лицо обратилось в безжизненную маску... Питер невольно посмотрел на шею и руки Томаса. Вряд ли то, что покрывало их, можно было назвать кожей. Скорее, тело его было обтянуто чешуей... Подросток испугался и тут же отодвинулся подальше от Томаса.

Врач на мгновение замер, его тело и глаза приобрели нормальный, человеческий вид. Он удивленно спросил:

– Питер, что с тобой?

– Не со мной, а с тобой! – раздраженно огрызнулся тролль.

Томас дважды моргнул, потом пожал плечами и просто ответил:

– Я – шаман. Из рода Змеи. Неужели доктор или твой отец ничего тебе об этом не говорили?

Питер еще раз вздохнул и чуть-чуть расслабился. Что-то такое мелькнуло в памяти... Он где-то читал, что во время исполнения магических обрядов шаманы становятся похожи на древний тотем племени. Мальчик грустно усмехнулся:

– Отец... Я уже несколько дней не видел его. Томас отвел взгляд в сторону:

– Прости. Я должен был предупредить тебя... Когда у нас с ним состоялся разговор – ну, насчет ухода за тобой, он предупредил, что не сможет забрать тебя из больницы, а ты, мол, оповещен обо всем и посвящен во все детали.

– Мне только сказали, что вы заберете меня.

Томас долгим внимательным взглядом окинул Питера – он словно бы читал его мысли. Точно так же он смотрел в самую первую встречу.

– Он не предупредил тебя, что не сможет присутствовать при выписке?

– Да, я уверен в этом. Я все хорошо помню. – Питер сердито стукнул кулаком по стене.

– Хм. Тогда приношу свои извинения за то, что испугал тебя. Ты, вероятно, решил, что увидел привидение? – Врач довольно смеялся.

– Вовсе нет...

– Как же нет, когда я знаю: ты решил, что попал в лапы какого-то чудовища? Давай-ка поворачивайся, я продолжу массаж.

– Нет.

– Послушай... – Томас вложил в свой голос всю возможную мягкость. – Я всегда погружаюсь в магическое биополе, когда занимаюсь своей работой. И когда массажировал тебя... Это... Таков ритуал, не мною он придуман, не мне его отменять... Это своего рода духовное действие, в котором объединяются знахарь и страждущий исцеления. Ты же жаждешь исцеления? Хочешь вновь овладеть своим телом? Как раз этой цели и служит массаж! Посредством телесного общения я не только укрепляю твои мышцы, но и вливаю душевную бодрость, надежду. Наконец, энергию...

Питер обиженно заморгал:

– Почему же ты так изменился?

– Потому что Змея – прародитель нашего рода. Точнее, исконный символ. Змея – целительница... Когда я начинаю обряд исцеления, я волей-неволей вынужден погружаться в магическое пространство. Естественно, это не может не иметь последствий. Вот облик мой и меняется. Я выгляжу иначе в момент сеанса потому, что в этот момент я становлюсь другим. – Он развел руками. – Это трудно понять, и привыкнуть к этому трудно до той поры, пока ты сам не займешься этим...

Питер чуть расслабился. До этого дня он никогда не имел дела с шаманами. В общем-то Томас хорошо обращался с ним. В меру заботлив, ненавязчив, и, говоря по правде, его растирания здорово помогли троллю. Вряд ли он пошел на поправку так быстро, если бы был предоставлен самому себе.

Но вот то, что Томас называет себя шаманом, здорово смущало Питера. Ладно бы представился магом. Эти хотя бы разные бывают: злые, добрые... А вот шаманы! Это дикое, гнусное, неукротимое воплощение злой силы!... Питер всегда испытывал по отношению к ним безотчетный страх – и когда был совсем маленьким, а отец рассказывал ему сказки, и когда стал постарше и сам взял в руки книгу... В приемах, используемых магами, было что-то серьезное, они и выглядели как особого рода ученые, ревностно относящиеся к своему делу... Этакие духовные пахари на ниве запредельного...

Питер усмехнулся. Стоило ли так безоглядно подчиняться детским впечатлениям? Тем более что в тех сказках, которые он прочитал, маги и волшебники как на подбор были свои, родные, а шаманы – описывались как что-то очень далекое, непонятное. Да и вообще, можно ли применять слово «ученый» к людям подобной профессии? Постепенно подрасток стал кое-что припоминать. Шаманы и колдуны, в основном северных племен, все как на подбор имели в качестве тотемов животных... Всем известно, что животные олицетворяют те или иные человеческие качества... Койот, например, известен как пронырливый ловкач. Собака отличается исключительной преданностью. Питеру припомнилось, что в детстве он много размышлял по этому поводу и еще тогда кое-чего не мог понять. Он быстро спросил:

– А почему змея считается целительницей? Большинство

из этих существ очень опасны...

– Так и есть. – Томас взял стул и сел возле кровати. – Впрочем, и целительство – опасная штука. В наши дни подавляющее большинство людей считает, что для того, чтобы выздороветь, надо просто проглотить таблетку или микстуру. Они даже осознать не могут, какой вред наносят этим себе. Мы многого не знаем. Мы очень многого не знаем... Каков, например, побочный эффект от заглатывания химических соединений? Но люди даже слышать об этом не хотят. Они желают на любой вопрос получить самый простой ответ. Без затей... Вот простой пример – ты простудился. Доктор выписывает антибиотики. Ты их глотаешь, а у тебя к ним аллергия. Так что с таблетками ты получаешь кучу новых проблем. Зафиксированы даже смертельные случаи. Или, скажем, ты ложишься в больницу для операции на сердце. Дело обычное, по меркам сегодняшнего дня даже рутинное – и все равно, даже в этом случае существует определенный риск. Всегда может что-то случиться.

Питер сел. Ему все больше нравилась манера Томаса давать объяснения. Если тебя что-то мучает, то говорить об этом следует прямо и откровенно.

– А ведь знаешь, в конце последнего столетия с медициной было далеко не все ладно, – продолжал рассказывать Томас. – Положение складывалось очень серьезное. Пациенты рассчитывали на чудо, а врачи впадали в гордыню и старались ответить на их ожидания. – Он ехидно улыбнулся.

ся. – Это было единственным способом оправдать огромные гонорары. Все верили, что все можно познать, в любом вопросе можно легко добраться до самой сути. Когда же что-то не удавалось, возникала какая-то проблема, даже частного характера, это представлялось как вызов самой медицине. И даже прогрессу... И таких нестыковок, несуразностей, побочных явлений становилось все больше и больше. И это считалось нормальным. Ненормальной была только реакция светил медицины. Ведь панацеи не существует, всегда будут побочные эффекты! Также и со змеей – она всегда будет жалить.

– И с магией такая же история?

– Особенно с магией. – Томас испытующе глянул на Питера, словно не поверил, что мальчик всерьез заинтересовался этим разговором. – Магия, особенно шаманство, – это чудовищная необузданная сила. Она требует глубокого знания, и главное – честного до щепетильности отношения к своему искусству. Тем более во всем, что касается Змеи. Существа эти живут скрытно, в развалинах, заползают в трещины в стенах. В пустынях они забираются в маленькие пещерки. Змеи во все вникают, хотят все знать. Никакая тайна не укроется от них. Так что если ты будешь брать пример со змей, тебе придется острить свой взгляд, уметь проникать в суть вещей. – Он постучал себя по груди кулаком. – Яд змеи смертельно опасен, тем более важно как можно лучше изучить его свойства, дозировку, область применения.

Питер надолго задумался. Все, что рассказал Томас, было веско, убедительно, но... как-то потусторонне. Что-то похожее шевельнулось в тот миг в памяти. Что-то ужасное, прерывающее дыхание... Что же?... Дениз! Девушка, которую он встретил на вечеринке!...

– О нет! – неожиданно воскликнул Питер и рухнул на кровать.

– Что случилось? – удивленно спросил Томас.

– Я забыл, мне же следовало позвонить одному человеку. Но как же теперь?... Когда я превратился в тролля?...

Томас засмеялся:

– О, я уверен, он все поймет.

– Это она. – Питер обреченно закрыл глаза ладонями.

– Даже если и так, все наладится. – Голос Томаса был удивительно спокоен.

– Нет.

– Что нет?

– Я не буду звонить ей.

– Потому что ты каким-то образом подвел ее? – удивился врач, будто бы и вправду не понимал, о чем идет речь.

– Потому что я – тролль! – отчаянно выпалил подросток.

– Знаешь, Питер...

– Что? – нетерпеливо спросил тот и вдруг понял, что этот разговор ему крайне неприятен. Тем более с посторонним человеком.

– Ничего... – тихо пробормотал Томас – Не пора ли при-

ниматься за тренировку?

* * *

Во время ленча Томас включил тридео и настроил его на волну местной станции, по которой передавался репортаж о волнениях прошлой ночью. Корреспондентка, стоявшая на центральной улице Петли, в самом сердце Чикаго, рядом с линией надземки, скоро и взволнованно рассказывала о тех ужасах, которые творились здесь несколько часов назад. В конце репортажа она совершенно спокойно рассказала, как «нормальные» люди ворвались в этот район города и растеклись по улицам в поисках металюдей. Вытаскивали их из домов, до смерти забивали ногами, крушили дома. Тогда озверевшие металюди принялись убивать «истинных». Она так и сказала – «истинных». Возможно, непреднамеренно, по привычке...

Ситуация складывалась не лучшим образом. Городские службы безопасности, как частные, так и общественные, повернули оружие против металюдей. Городское правительство уже объявило о начале расследования неправомочных действий охранных отрядов.

У Питера от ужаса пересохло во рту. Он отложил сандвич в сторону.

– Питер? – Врач вопросительно взглянул на него.

– Я ведь тоже мог там быть. И меня могли убить, – дро-

жащими губами прошептал подросток.

– Запросто! – кивнул Томас. Он со вкусом откусил огромный кусок от своего бутерброда и с удовольствием разжевал его. Питер окончательно потерял аппетит.

Экран тридео опять ожил. В городе творилось что-то невероятное. На экране было ясно видно, как дрожит камера в руках оператора. Вопли, крики, нечеловеческие стоны ворвались в комнату. Молодая корреспондентка замерла вполоборота к камере. Что-то, чего не было видно на экране, поразило ее. Рот ее открылся от удивления, руки опустились, а из микрофона донеслось неожиданное восклицание: «О Боже!» Тут же кадр сменился, и телеоператор показал то, что так поразило женщину.

На экране появилось высотное здание, принадлежащее ИБМ, – в народе его прозвали Старой башней. Языки пламени кроваво-красными вспышками вырывались из окон, крушили стены. Небоскреб подрагивал и заметно раскачивался, а затем прямо на глазах стал рушиться, оседать на землю... Прежде всего начали отделяться одна от другой девять секций главного, высотного здания. Они превращались в обломки, оставляя в воздухе облако пыли, грузной кучей строительного мусора оседали на землю. Все рушилось. Соседний корпус тоже стал распадаться на куски и рушиться, как карточный домик. Скоро все было кончено. Внизу, под крышами соседних домов, тлела груда развалин. Вдруг над пожарищем взметнулся высоченный столб пламени, а на глав-

ной улице раздалась серия взрывов, и дома полопались как орехи.

Корреспондентка повернулась к камере. В ее глазах был ужас, но она из последних сил старалась говорить спокойно. «Взрывы приближаются», – тихо сообщила она.

Потом изображение на экране закувыркалось так, словно оператор выронил камеру. Камера и в самом деле упала на тротуар, но не разбилась – теперь она показывала бегущие ноги и фундаменты домов.

– Это газопровод... – мрачно сказал Томас. Питер удивленно глянул в его сторону – лицо врача стало совсем землистым. – Газовые трубы там проходят подо всем кварталом...

Питер перевел взгляд на экран. Вся Петля была объята пламенем. Люди не то падали, не то выпрыгивали из окон, выбегали из дверей, разбегались в разные стороны. Одежда на некоторых из них горела. Потом изображение замерло, дернулось, и экран погас. Питер посмотрел в окно – густые клубы дыма вставали над городом.

– Я должен идти! – заявил Томас.

– Зачем? – Питер удивленно посмотрел на врача.

– Я должен идти. Это очень важно.

– Пожалуйста, Томас, не бросай меня!... – Сердце подростка сжалось от ужаса.

– С тобой все будет хорошо. Запри двери. – Врач быстро вышел из кухни.

Питер заковылял следом, попытался схватить его:

– Ты должен оставаться здесь. Со мной! Это твоя работа!

– В моем контракте есть пункт, который позволяет мне уйти в случае непредвиденных обстоятельств. Таких, как сейчас... – угрюмо ответил Томас– Я решил воспользоваться этим правом. Так что все в законном порядке. Оставайся здесь. Накрепко запри двери. Веди себя очень тихо. Я скоро вернусь.

Питер вернулся на кухню к тридео и переключил его на другую программу.

– ...Все организации, известные своим отрицательным отношением к металюдям, – Рука Пяти, Рыцари человечества, а также Метастражи – взяли на себя ответственность за разрушение здания ИБМ. Они возложили на эту компанию ответственность за наем на работу метаграждан и потребовали, чтобы все корпорации Северной Америки заменили их на безработных из числа нормальных людей.

Диктор сделал паузу, приложил руку к уху и продолжил:

– Пришло сообщение, что еще одна организация – «Земля людей» – взяла за себя ответственность за взрыв здания. Коалиция поддержки эльфов обвинила ИБМ в дискриминации по отношению к метагражданам при приеме на работу. Полный перечень заявлений мы обнаружим вечером. А теперь репортаж с места событий. Наш вертолет летит по направлению к Петле. Пожары в районе уже вышли из-под контроля.

На экране загорелась алая компьютерная надпись: «Второй великий чикагский пожар!»

Питер переключил тридео на телекоммуникационный канал, подождал секунду и произнес вслух номер лаборатории в университете. Там работал отец. Когда ему ответили, он попросил позвать к телекому папочку. Милая девушка веж-

ливо сообщила, что может принять для него телефонограмму. Питер объяснил ей, что разговор важный и он очень просит отыскать отца. Девушка пообещала сделать все, что в ее силах. Через несколько минут она вернулась и сообщила, что доктора Клериса нет на месте. Когда он появится в лаборатории, она передаст, чтобы он немедленно позвонил домой. Питер поразмышлял – может, стоит попросить ее лучше поискать отца? Но потом отказался от этой мысли.

Он не знал, чем занять себя. Смотреть трид? Но вид горящих кварталов, а тем более та муть, которой были заполнены развлекательные каналы, вовсе не привлекали его. Можно было бы еще позвонить... Но куда? Кому? Разве что доктору Лендсгейту...

Вспомнив о нем, Питер испытал мгновенное облегчение. Лендсгейт был единственным человеком, с которым подросток чувствовал себя раскованно. Конечно, если иметь в виду тот круг ученых, в который входил и его папочка.

Подросток поднялся в свою комнату и нажал на пульте кнопки с нужными цифрами.

Ему ответила Лаура.

– Здравствуйте.

– М-м... здравствуйте, миссис Лендсгейт. Это Питер. Питер Клерис.

Слава Богу, он вовремя сообразил, что экран включать не стоит, так что сейчас Лаура только слышала его.

Женщина на мгновение примолкла, потом напряженно

ответила:

– Привет, Питер. Как дела? Питер сразу догадался, что она все знает, но решил не касаться того, что с ним случилось.

– Отлично. Доктор Лендсгейт дома?

– Я сейчас позову его.

Через несколько минут в трубке послышался мужской голос:

– Привет, Питер.

– Здравствуйте, доктор Лендсгейт.

– Питер, рад слышать тебя, – и прежде, чем подросток смог ответить ему, добавил: – Я слышал, что с тобой произошло. Мне бы хотелось сразу предупредить тебя – твоя жизнь теперь станет намного труднее. Вот что я еще хочу сказать. Знай, что я с тобой. Ты всегда можешь рассчитывать на меня.

Питер замер на несколько мгновений. Сердце окатила волна благодарности.

– Спасибо!... – еле слышно вымолвил он.

– Как ты там?

– Очень страшно.

– Небоскреб ИБМ...

– Знаю. Показывали по триду. А где отец?

– На работе.

Питер услышал, как Лендсгейт вздохнул. У него задрожали губы.

– Доктор Лендсгейт, почему папа... почему он... почему

он разлюбил меня?

Лендсгейт понизил голос. Питер догадался, что он не хочет, чтобы Лаура слышала их разговор.

– Питер, это не так. Я не могу поверить, что он разлюбил тебя. Он к тебе очень привязан, но ваши отношения не совсем обычные. Все на какой-то странный манер...

– Но он меня игнорирует.

– Да, я слышал.

– Я так нуждаюсь в человеке, который... ну, я не знаю, как сказать...

– Да-да.

Некоторое время они оба молчали.

– Питер, я бы хотел повидаться с тобой.

– Мне это будет совсем не по душе...

– Нет, я в самом деле искренне желаю этого. Ты, кажется, боишься встречи со мной?

– Ага.

– Ну, не надо так. Я же все знаю.

Питер решил еще раз отказаться. Теперь уж напрочь. Но вдруг подумал, что ему будет полезно, если на него посмотрит кто-то со стороны. Не папочка и не нанятый врач... Он протянул руку и нажал кнопку – экран тут же ожил, на нем засветилось изображение доктора Лендсгейта. Лендсгейт тоже увидел Питера. Сначала он опешил, на его лице появился страх, но доктор пересилил себя и улыбнулся. Он был еще молод, оптимизм и энтузиазм правили его существом.

– Вот уж никак не мог подумать, что с тобой может случиться что-то подобное! – весело и задиристо сказал док

Питер коснулся своего лица.

– Что, здорово изменился?

– Конечно, даже слишком. Но это только сверху. Я же говорил с тобой и знаю, что ты остался прежним Питером.

– Спасибо! – поблагодарил подросток. У него словно камень с души свалился. Он никак не ожидал, что с ним вообще будет кто-нибудь разговаривать. Если уж родной отец избегает его... К тому же на фоне этих беспорядков...

– Там с тобой есть кто-нибудь? Питер вздохнул:

– Сейчас нет. Сначала ко мне был приставлен доктор, оказавшийся шаманом, но он куда-то ушел. Видно, хочет посмотреть на пожары...

– Шаман? Никогда бы не подумал, что твой отец может быть так расточителен. Говоришь, шаман ушел?

– Может, это и к лучшему.

Откуда-то из-за спины Лендсгейта послышался голос Лауры. Она сообщила, что все маги и шаманы города были брошены на тушение пожара. В борьбе с огнем они должны были использовать колдовство.

– Постараюсь навестить тебя, – весело кивнул Лендсгейт. – Может, на следующей неделе?

– Правда? – обрадовался Питер. Лендсгейт рассмеялся:

– Конечно, правда.

– Вот здорово!

– Я бы и сегодня пришел, но ты выглядишь усталым. Номер связи прежний?

– Да, все тот же.

– Я позвоню завтра. Проверю, что да как... – Спасибо.

Экран погас. Питер переключил программу. На тридео вновь ожил охваченный пожарами город. Развалины башни, принадлежавшей ИБМ, огонь, пожирающий дома, редкие, все сметающие взрывы... Картина военных действий... Отдельные дома полыхали так жарко, что никто не мог приблизиться к ним. Сновали пожарные, то здесь, то там собирались кучки людей – по-видимому, это и были маги. Они колдовали – нагоняли на город тучи. Да, сильный ливень сейчас был бы в самый раз! Усталые спасатели эвакуировали из зданий оставшихся там людей. Голос за кадром сухо сообщил:

– По нашим данным, количество погибших составляет несколько тысяч человек.

Этой ночью Томас не вернулся.

Питер сам приготовил обед. Это было нетрудно. Замороженное синтетическое мясо, уже уложенное в пластиковую тарелку, он сунул в «микро»¹ и через несколько минут вытащил. Ел, не отрывая глаз от экрана. Пожар уже был потушен, и по всему кварталу разворачивались спасательные работы. Питер так увлекся, что не заметил, как в квартиру вошел отец. Он увидел его только тогда, когда тот переступил через порог кухни. Некоторое время они молча разглядывали друг друга. «В конце-то концов, соизволит он что-нибудь

сказать или нет?» – недовольно подумал подросток.

– Здравствуй, сынок, – тихо сказал отец.

– Привет, – буркнул Питер и проглотил огромный кусок мяса.

– Как ты?

– Замечательно. Томас отправился тушить пожары. В Петле... Так и не вернулся.

– Странно... Видно, что-то случилось. – Отец виновато отвел глаза. – Мы можем пригласить еще кого-нибудь...

– Мне Томас понравился, – раздраженно ответил Питер.

– Здесь я помочь не могу. Питер шлепнул ладонью по столу:

– Я и не прошу тебя в чем-то помогать. Я просто сказал, что Томас мне нравится, что я беспокоюсь, не случилось ли с ним чего-нибудь на пожаре.

Отец в ответ и слова не вымолвил. Только неожиданно вздохнул:

– Они предупреждали, что это может случиться...

Микроволновая печь.

– Что? – безучастно спросил Питер.

– Что ты станешь раздражительным и будешь временами выходить из себя.

– Что же в этом удивительного? Я же теперь не тот, что раньше! – усмехнулся Питер.

– Для меня это не имеет значения. Каким бы ты ни стал, – сухо ответил отец.

Питер тяжело опустился в кресло. Ему так хотелось крикнуть папочке, что он зря сердится. Во всем он сам виноват, вот пусть и злится на себя самого. Но он знал, что от этих слов тот совсем замкнется и уйдет в себя.

– Спокойной ночи! – закончил разговор отец.

– Спокойной ночи! – мрачно ответил Питер. Папочка ушел, а подросток еще полчаса сидел на

кухне. Он не двигался, разве что коротко вздыхал. Затем поднялся и, забыв про остывшее мясо, отправился к себе в спальню.

* * *

Прошло три дня. Томас все не возвращался. Питер позвонил в госпиталь. Там, казалось, все вымерли. Каждый день он разговаривал с доктором Лендсгейтом, и каждая такая беседа заметно прибавляла ему бодрости.

Дни шли однообразно. Поздно вечером отец возвращался из Чикагского университета. Кивком приветствовал сына – по-видимому, считал, что этого достаточно. Он никогда не упоминал о Томасе. Питер тоже не заводил разговоров на эту тему. Тело у него постоянно ныло, однако он ни разу не обмолвился о шамане – решил подождать еще день-другой и только потом просить о замене.

В ходьбе он тренировался постоянно.

Как-то вечером Питер достал с полки свой персональный компьютер и поместился на кровати. Аппарат поблескивал пластиковыми боками. Троль осторожно, когтем, включил его. Машина казалась нелепой маленькой игрушкой в огромных когтистых лапищах.

Потом Питер оставил компьютер и подошел к полкам: ему хотелось просмотреть оптические дискеты. Некоторые слова, особенно короткие, в несколько букв, он узнавал сразу, но большинство слов вспомнить не мог. Подросток пытался отыскать в своей памяти ключ к пониманию более длинных слов, но мысли в голове ворочались тяжело, с натугой, словно на них набросили огромную, стесняющую свободу сеть. Наконец – он даже сам не понял как – ему удалось разобрать одну из надписей. Или – припомнить? «Биология»... Это слово ничего не значило для него... Бессмысленный набор звуков... Теперь он догадался, что имел в виду Томас, когда объяснял ему смысл кодирования словами-знаками. На этом принципе была основана вся современная метода обучения. Если бы кто-то попросил его: «Питер, собери, пожалуйста, все оптические дискеты, на которых встречается слово «биология», – он смог бы выполнить это задание. Но при этом он даже предположительно не смог бы сказать, что значит это слово; тем более он, например, не смог бы подобрать диске-

ты, имеющие отношение к «биологии», но не содержащие в названии этого слова. Это было горькое открытие. Еще горше стало на душе, когда он сообразил, что при таком подходе к делу он наберет много лишних дискет. На них будет написано это слово, но к сути его они не будут иметь никакого отношения. Это были дебри... Непроходимый лес, по которому когда-то он свободно разгуливал, зная, куда ведет та или иная тропинка. Боже, что с ним случилось? За что? В чем его вина?...

Он стоял неподвижно с дискетой в руке и тупо разглядывал надпись. Да, конечно, он мог воспроизвести это слово голосом. Мог даже выкрикнуть его во всю мощь раздававшихся вширь легких, но что это ему давало? Где был ключ к проникновению в смысл слов? Какое понятие кроется за этой самой «биологией»? Может, достаточно узнать, из каких букв состоит это слово, чтобы проникнуть в его смысл? Но какой толк будет из того, что он разложит слово на отдельные буквы или звуки? Ну, разложил, потом сложил – не много смысла прибавится от этой операции. А ведь за этим словом – он нутром чувствовал это! – скрывалась не цепь понятий-слов, а целое море разнообразных терминов, описывающих особую область окружающего мира. Питер чуть не заплакал от обиды – какую область? Пусть бы хоть намеком память подсказала ему отгадку! Никто ничего не приоткроет... Это стало ясно сразу и до конца. Самому надо постараться. А это тяжкий труд. И дело вовсе не в памяти – теперь подросток

был уверен в этом. Просто сам строй его мыслей, сам способ восприятия в корне изменился. Питер теперь отчетливо ощущал разницу между собой прошлым и собой настоящим. Мало того, что мысли с трудом ворочались в его голове, он еще к тому же потерял необходимую остроту, резвость, которая была присуща ему, когда он был homo sapiens sapiens. Он прекрасно помнил, с какой легкостью мог пере скакивать с предмета на предмет, мгновенно охватывая обширные области понятий. Это помогало скоренько выуживать смысл самых затейливых слов! Теперь было по-другому. Даже собственное тело отказывалось служить ему.

Питер почувствовал на себе чей-то взгляд – повернулся и увидел отца.

– Что ты делаешь? – спросил тот.

– Проверяю свои дискеты.

– Зачем?

– Хочу изучить их. Хочу научиться читать.

Отец недовольно поджал губы. Потом шагнул в комнату так, словно собирался завести какой-то долгий разговор, но, сделав несколько шагов, запнулся и замер

– Зачем... Питер?

Питер обрадовался. Наверное, стоит объяснить папочке свой план поиска генетического средства, которое могло бы исцелить и его и многих подобных ему металюдей Но вдруг понял, что это глупое объяснение, и смутился. Отец одним своим присутствием страшно давил на подростка. Питер ни-

чего не ответил. Тогда доктор Клерис, помявшись, сказал:
– Я только... Я бы хотел, чтобы ты...

На отцовском лице явственно обозначилась глубокая печаль.

– Питер, прости... Делай, как пожелаешь. – Он уже собрался уходить, но неожиданно задержался на пороге – словно уперся в стену. Плечи у него безвольно опустились. Он тяжело вздохнул и только потом обернулся к сыну. Уильям Клерис задумчиво почесал висок. Питер невольно заметил, как побледнело папочкино лицо. Губы сжались, и полногубый, красиво очерченный рот превратился в узкую прямую щель. Отец на глазах постарел и осунулся. А ведь ему только перевалило за сорок...

– Может, ты не совсем понимаешь, что с тобой произошло? Может, ты до сих пор в неведении... – неуверенно промямлил Клерис-старший.

Ужас ударил в голову Питера. Он не смог удержаться от вскрика:

– Папочка! Что же со мной случилось?! Чего я не понимаю?...

– Ты еще слишком юн, чтобы до конца разобраться в этом. И кроме того... мне неизвестно, сможешь ли ты понять это до конца. Ты теперь тролль, Питер. Ты привык считать себя вундеркиндом. Ты умел многое из того, чего не умели твои сверстники. У тебя действительно были удивительные способности. Точнее, задатки... Кроме того, ты имел все, что

хотел. Теперь... Я просто не могу понять, на что ты рассчитываешь? Ты отдаешь себе отчет, чем ты располагаешь на этот день?

Питер хотел ответить, что у него есть он сам, и ты, папочка, и все, что вокруг... Но этого было явно недостаточно. Чего-то существенного не хватало в этом новом мире, который так неласково принял его. Он тихо ответил:

– Я хочу с чего-то начать. Вот и взялся за кассеты. Я хочу все повторить, пройти сначала...

– Питер, но ты не тот, что прежде. Тебе это не под силу, – с явным раздражением крикнул отец.

– Почему?

Папочка яростно крутил головой.

– Эта твоя цель... – Он опять запнулся и не стал договаривать до конца.

– Я собираюсь отыскать средство, чтобы излечиться! – неожиданно для себя выпалил Питер. – Поэтому я и взялся за оптические дискеты. Я хочу отыскать ключ к тому, что со мной произошло. Я хочу вновь стать человеком! Отец положил руку на дверной косяк.

– Это невозможно, Питер. Это находится за пределами нашего понимания генной основы трансформации. Никто не может сказать, возможно ли это вообще!

– Нет, это возможно! – упрямо заявил Питер.

– Что?! – заревел отец и ткнул пальцем в сына. – Это только такой юнец, как ты, может гордо заявить – это возмож-

но! Знаешь, какова цена подобному заявлению? Да, я не отрицаю, кто-то сможет отыскать разгадку. Когда-нибудь... Но только не ты! Ты вдумайся, если сможешь, в мои слова! Только не ты!

Он вышел из комнаты и хлопнул дверью. Питер догнал его в коридоре, схватил за плечо. Слезы душили подростка. Ярость, боль и отчаяние мешались в душе. Он чувствовал, что сейчас наговорит такого...

– А чего же ты ждешь от меня? Чем я должен заниматься? Сидеть сиднем или смотреть это глупое тридео? И так всю оставшуюся жизнь?... – отчаянно крикнул он.

Отец повернулся, с некоторым удивлением посмотрел на сына, потом осторожно убрал его руку со своего плеча.

– Я бы хотел, чтобы ты жил здесь. В нашем доме ты можешь чувствовать себя в безопасности, – сухо сказал он.

– Остаться здесь? – Питер сплюнул на пол. – Жить здесь? А чем прикажешь заниматься?

– Питер, вдумайся! – Отец смотрел твердо и холодно. – Ну что ты теперь можешь? Все корпорации на всех континентах, во всех странах больше не берут на работу подобных тебе. Они боятся вас. Люди боятся вас. Судьба против вас, мир вас отвергает. Я знаю, я не самый лучший отец, но я пытаюсь делать все, что я могу. Я позабочусь о тебе.

Питер некоторое время молча смотрел на отца, потом резко повернулся и ушел в свою комнату. Со всей силы хлопнул дверью. От удара отлетела ручка замка, упала и покатилась

по полу. Питер усталился на свои толстые руки, на пальцы, обтянутые мерзкой зеленовато-серой кожей. Ярость поднялась в нем... Он еще докажет. Всем докажет... И папочке! В первую очередь папочке... Он сам устроит свою жизнь. Должен устроить. Потом посмотрим...

Ярость неожиданно угасла, и на него накатила волна отчаяния и безнадежности. Он представил себе годы, которые ему придется провести в этом доме. День за днем, месяц за месяцем. И все в ожидании смерти. Мелькнула минута – он еще на один шаг приблизился к своему концу, а о чем он думал в тот момент, кому это интересно? В конце концов, и думы станут похожи одна на другую, как дни, месяцы, годы, пока не сольются в единый, нераздельный, однообразный миг. Муторный и бесконечно тоскливый...

Если сиднем сидеть, так оно и будет. Что ж, так и ждать, когда время остановится и тоска подступит к самому горлу? Ни за что!

Он должен доказать, что папочка на его счет здорово ошибается!

Питер достал свою старую спортивную сумку, когда-то подаренную ему доктором Лендсгейтом, и начал собираться. Сунул в сумку несколько комплектов нижнего белья, одежду соответствующих ему размеров, потом подумал, добавил десяток оптических дискет и персональный компьютер.

* * *

Ночью он осторожно пробрался на кухню и включил экран телекома. Потом, обдумав все еще раз, стал сочинять послание отцу.

«Когда мы снова встретимся, я буду человеком».

Прочитав несколько раз, решил, что этого мало. Сухо как-то, бездушно... Подумал немного и добавил: «Я люблю тебя. Ты будешь мною гордиться».

Вот так будет получше. Он осторожно вышел на крыльцо и направился в ночь.

До станции надземки, расположенной в северной части верхнего города, он дошел быстро, там сел в поезд и добрался до Уилсон-авеню. Когда-то Питер слышал, что в этом районе живут бедняки, и теперь рассчитывал найти себе здесь пристанище.

Когда поезд остановился, тролль вышел на платформу и стал спускаться по лестнице, ведущей на улицу. Было два часа ночи, вокруг – ни души, и тем не менее он ощущал присутствие жизни – тайной, скрытой, подернутой ночной мглой и все равно ясно присутствующей здесь. Ему казалось, что все окружающее – срамные надписи на стене и перилах лестницы, холодный, сыро поблескивающий асфальт, закрытые витрины магазинов – является частями неведомого многоликого существа, в чрево которого он с каждой ступенькой погружался глубже и глубже. Чудище затаилось и, казалось, только ждало момента, чтобы заглотнуть его целиком. А может, оно уснуло, прикорнуло после дневных трудов? От этой мысли стало еще тревожней. Что, если вот сейчас, в ту самую секунду, когда он ступит на асфальт, – окружающий мир проснется?

Питер осторожно сделал последний шаг. Прислушался. Ничего не изменилось в зыбкой подсвеченной мгле, окутавшей улицу. Повсюду перемигивались неоновые надписи. В

чем он сразу разобрался, так это в том, что во многих словах здесь не хватало букв. Вот и на той надписи, которая горела прямо перед ним, тоже сияли пробелы, и все же одно слово выглядело как приглашение. Скорее бы оно засветилось! Неоновая вывеска то гасла, то вновь вспыхивала. Это слово он узнал сразу. «Отель» – вот что было написано над неказистым домом.

Уже шагая по направлению к гостинице, Питер почувствовал, что на улице он не один. Сначала он разглядел алеющий силуэт и только потом заметил бродягу, одетого в какие-то неописуемые лохмотья. Бродяга прятался в подворотне. Чуть дальше, под эстакадой метро, он увидел какую-то парочку. Влюбленные о чем-то тихо беседовали между собой. Женщина была одета в рваные джинсовые шорты и кофточку, мужчина кутался в непонятную длинную пятнистую кожаную накидку. Во что-то похожее на халат. Парочка тоже заметила Питера, но не обратила на разгуливающего по ночной улице тролля никакого внимания. Или ему это только показалось? Через секунду парочка откровенно занервничала. А может быть, это он смутился? В первый раз за свою короткую жизнь ему довелось присутствовать при разговоре проститутки с сутенером... Питер отвел глаза в сторону и тут же четко почувствовал их страх. Все-таки тролль, да еще два и семь десятых метра высотой!...

Чем дальше он шел, тем отчетливее становились приметы ночной жизни, которая, по-видимому, не замирала здесь

ни на минуту. Людей на улице хватало. Другое дело, что их трудно было сразу заметить. Все они – даже древняя старуха, курившая сигарету возле двери, – так ловко сливались с окружающим, что для того, чтобы разглядеть их, требовался определенный навык. Не то чтобы они нарочно прятались, нет, вели они себя вполне естественно, и тем не менее обнаружить их было не так просто. Питер едва не налетел на двух подростков, а ведь они шли по улице, ни капельки не таились, даже посмеивались чему-то. Видно, улица учила их быть незаметными и вместе с тем все видеть, все замечать. Те же самые хлопцы – повстречай они не тролля-богатыря, а кого-нибудь попроще – вряд ли так спокойно отошли бы в сторону. Казалось, сама улица, сам ночной мрак как мать и отец ловко укутывали своих чад от чужих глаз, давали им защиту.

А ведь подобный способ существования обозначается каким-то специальным словом... Это открытие удивило Питера. Он уже не мог избавиться от ощущения, что забытый термин вот-вот всплывет у него в памяти.

Точно – симбиоз!

Все эти человеки, выползающие в ночные часы из подвалов и подворотен, являлись мельчайшими организмами, и все вместе они давали жизнь улице... Одушевляли ее... А улица надежно укрывала их, предоставляла защиту и отдых этим нищим, сжившимся с ней созданиям. Люди воплощали собой смысл существования улицы, цель ее бытия как неко-

его обладающего разумом объекта.

...Добравшись до отеля, Питер толкнул дверь, отделанную дешевым пластиком. В пустом холле томились два старика. Сидели они молча, друг на друга не смотрели. Уставились на исчерканную россыпью трещин, окрашенную желтой краской стену и молчали.

Питер подошел к стойке и нажал на кнопку звонка. За дверью, расположенной сразу же за стойкой, раздалась короткая звучная трель. Через минуту дверь отворилась, и подросток – может, на год постарше Питера – выглянул из проема. Был он черноволос и смугл.

Парень бросил взгляд на посетителя – его рот чуть приоткрылся, а нижняя губа мелко задрожала. Он быстро захлопнул дверь и уже из своего убежища выкрикнул:

– Что тебе надо?

Питер пожал плечами, оглядел холл, вопросительно посмотрел на стариков, словно пытался добиться у них ответа, почему так странно повел себя ночной портье. Те не обратили на него никакого внимания. С теми же загадочными лицами они продолжали созерцать грязную желтую стену. Питер невольно глянул туда же, но там разгадки необычному поведению парня не было.

– Комнату! – наконец, запинаясь, ответил он.

– Свободных нет... Извините... – прокричал подросток из-за двери.

– Объявление снаружи говорит, что есть.

– Для тебя – нет, – зло отрезал подросток.

Питер почувствовал отчаяние.

– Потому что я тролль? – громко выкрикнул он.

– Получше изучи объявление.

Питер внимательно оглядел стойку и только теперь обнаружил табличку с красной полосой: «Металлюдям не сдаем».

Он сказал тихо:

– У меня есть деньги. Я могу заплатить вперед. Мне надо только переночевать. Утром я уйду.

– Уходи сейчас! – резко ответил парень. В его голосе мешались страх и мольба.

– Послушай, – уже громче сказал Питер. – Я могу хорошо заплатить. У меня есть деньги. Мне же только на ночь!

Дверь неожиданно распахнулась, и парень вышел. В руках у него был дробовик – он держал его на уровне груди. На лице явно проступал ужас, а дуло ходило ходуном.

Питер никогда прежде не видал оружия – ни тогда, когда был человеком, ни после трансформации. Он даже тайно с ним не баловался. Поэтому теперь он, остолбенев, смотрел на два черных пятнышка, пляшущих на уровне его живота. Отблески тускло посвечивали на стволах. Мелькнула мысль – вот сейчас раздастся грохот, эти дырочки окрасятся пламенем и две пули вопьются в его плоть.

– Таково правило! – плачущим голосом пропищал парень. – Даже если бы ты был моим закадычным дружкой, я бы не позволил тебе остаться здесь. Хозяин заявил, что от

таких, как ты, все несчастья.

Питер очень осторожно поднял руки – не дай Бог спугнуть портье, еще сдуру выстрелит... Спортивная сумка болталась на плече... Шаг за шагом он начал отступать к выходной двери.

– Хорошо, хорошо, я уйду. Благодарю за прием.

Парень так и не опустил дробовик. Видно, здорово перепугался: капли пота ползли по его щекам. Питер, пятясь, прошел большую часть холла, затем повернулся, опустил руки и быстро выскочил на улицу. Он бежал от отеля. Мчался почти весь квартал, пока сил хватало, потом остановился, присел на фундамент какого-то дома, перевел дух.

Неужели он был на волосок от гибели? А этот сумасшедший мог выстрелить? Может быть, он сошел с ума от страха? Глупее смерти не придумать...

Это точно!

Питер медленно побрел по ночной улице. Теперь любая встреча с обитателями Уилсон-авеню пугала его. Он даже представить себе не мог, что у них на уме. Неужели только страх?

Свернув на Кларк-стрит, тролль заметил светящуюся вывеску... По-видимому, какая-то нищая забегаловка. Так и есть – гриль-бар «Си и И». Судя по табличке, работает круглосуточно.

К удивлению Питера, в баре оказалось чисто. На белом кафеле – ни единого пятнышка. Посетителей тоже хватало.

Разговаривали они громко, одни теснились в отдельных кабинетах, другие сидели за столами в зале, а небольшая группа восседала возле стойки на маленьких высоких табуретах. В забегаловке, казалось, собрались одни завсегдатаи – все, по-видимому, знали друг друга, и все же обстановка не походила на дружескую вечеринку. Фразы были коротки и недоброжелательны, взгляды – по большей части хмуры, да собеседники не особенно-то и глядели друг другу в глаза. А если уж смотрели – словно ножи метали – коротко, прицельно обменивались взглядами. Некоторые сговаривались о чем-то и по очереди кидали взгляды куда-то в сторону. Приглядевшись, Питер понял, что большинство посетителей вовсе не замечает соседей – беседует, ругается, откровенничает с кем-то, кого нет в баре.

В общем-то, это было жуткое зрелище – скопище одичавших, испытывающих кайф подонков. Хотя кое-кто из них был одет прилично и голову еще держал высоко. Пуще всего здесь ценилось одиночество, и всякая попытка нарушить его пресекалась сразу.

Люди, собравшиеся в баре, были чужды и далеки Питеру. Он никогда раньше не сталкивался с подобными типами. Этот мир жил по собственным волчьим законам, которые подростку не были известны. И цена неверного шага была здесь одна – смерть.

Питер помялся у порога и решил не забираться далеко. Лучшее всего было пристроиться у входа и вести себя тише

воды ниже травы.

Официант – один-единственный в баре – принимал и разносил заказы. Какой-то азиат в белом переднике... Питер обратил внимание на то, что официант со всеми обращается запросто – выходит, знает здесь почти всех. Ничего удивительного в этом не было. Коротко кивнув почти на бегу, азиат застывал на миг, принимал заказ и тут же летел к соседнему столику. Для каждого у него была припасена улыбка. У каждого он спрашивал: «Как дела?» – успевал выслушать ответ, бросить на ходу пару слов. Так

и сновал по залу.

Большинство посетителей бара были нормальными людьми, но в дальнем углу Питер тут же разглядел компанию эльфов. Они вели себя как анархисты, собравшиеся на тайную сходку. За круглым столиком в глубине зала в полном одиночестве сидел орк. Краем глаза Питер успел разглядеть, что орк обут в невысокие массивные сапоги, да и весь наряд его походил на камуфляжную военную форму. Судя по всему, к разряду служивых он не относился. Это было подражание, не более чем мимикрия. Тролль подумал, что и ему неплохо было бы обзавестись каким-нибудь полуармейским обмундированием. И все же... Костюм костюмом, но вряд ли он когда-нибудь сможет так же злобно смотреть на посетителей, как этот орк. Такого за версту, наверное, обходят. Вот бы и ему с той же наглостью посматривать на окружающих!... Питер тяжело вздохнул. Орк был, по-видимо-

му, одним из числа «призрачных бегунов», о которых часто рассказывали по тридео. Может, один из знаменитых агентов, невидимых и всемогущих. Подобные «бойцы» состояли на службе у государства и частных граждан. Они входили в особую касту. У каждого был стерт его системный именной определитель – проще сказать, личный номер, занесенный в банк данных главного компьютера, так что формально их как бы и на свете не было.

Вскоре Питер обнаружил, что его рассматривают. У входа его окружили мелкие торговцы, наперебой предлагающие свой нехитрый товар. Предлагать-то они предлагали, но сами искоса изучающе поглядывали на его кулаки и спортивную сумку. От этих взглядов стало тревожно на душе, и Питер покрепче сжал ручки сумки. Один из торговцев, крепкий, жилистый, улыбнулся, уловив его движение, и даже кивнул... Поощрил – правильно, мол, рассуждаешь, парень, здесь свои вещи надо держать покрепче!...

Питер огляделся и выбрал стол у самого входа. Там стояло кресло побольше. Скорее всего, это место и было предназначено для троллей.

Официант-азиат тут же подскочил к нему:

– Желаете меню?

– Да, пожалуйста.

Теперь можно было перевести дух и чуть-чуть расслабиться.

Неподалеку, у распахнутого окна, стояла старуха. Она вы-

глядывала наружу и разговаривала сама с собой. О чем она болтала, Питер не слышал, да его это и не интересовало. Неожиданно старуха дернулась так, словно ее судорога схватила, и зашагала к выходу. По пути она успела собрать со столов несколько бумажных салфеток и тарелок, сложила их в стопку и бросила в мусорный ящик, стоявший у двери.

Другая старуха хищно, словно гарпия, следила за уборщицей.

Впереди сидела еще одна женщина. «В возрасте» – так решил про себя Питер. В ушах поблескивали серебряные серьги, с которыми, как подумал тролль, ей в скором будущем придется расстаться. Была она в отделанной кружевами белой блузке. Голова давно не мыта... Из всей публики она была единственным человеком, знающим, что такое мир, из которого сбежал Питер. Бросила все – дом, наряды, собственность, возможно, семью – и покатилась...

Теперь у нее оставалась только одна ценность – ее собственная жизнь. Но не была ли она для нее обузой? Как и все остальные, женщина вела умную беседу сама с собой. О чем-то говорила, убеждала себя, громко вскрикивала и тут же испуганно оборачивалась – не слышал ли кто-нибудь?

Неужели он так же кончит?

Какой-то мужчина приблизился к ее столу и уселся рядом без разрешения, потом вытащил сигарету из пачки и предложил женщине. Она взяла ее с такой небрежностью, что Питер сразу же догадался, что эти двое знают друг друга. Потом

они наклонились поближе друг к другу, повели разговор, и стало ясно, что речь идет о сделке. Выходит, она была шлюхой?

Кто-то громко позвал: «Рич!» – и человек с пачкой сигарет посмотрел в сторону дверей. Питер проследил за его взглядом и увидел четырех ребят, которые только что вошли в заведение. У всех в руках были кипы ярких цветных рубашек. Мужчина попрощался с женщиной и поспешил к выходу.

Женщина «в возрасте» тоже поднялась, так и не закончив ужина...

Через три столика от Питера какой-то мужчина в тюрбане увлеченно потрошил сигаретные бычки. Раскрошит и осторожно сыплет табак в свернутую «козью ножку».

В зал вошел новый посетитель. Он был необычайно красив. Великолепен, как могут быть великолепы только герои тридеосериалов. Рубаха его отливала снеговой белизной, аккуратный алый галстук напоминал о фешенебельных магазинах. Что он здесь делает? Красавчик прошел к стойке и устроился на табурете.

– Простите? – отвлек Питера юркий официант. Он положил меню на стол. – Как дела?

Троль, немного оробевший, машинально ответил:

– Отлично.

– Замечательно. Я скоро подойду. – Официант тут же умчался к другому столику.

Вдруг откуда-то потянуло нестерпимой вонью. Питер невольно обернулся. Ага! Это человек в тюрбане закурил свою самокрутку! Клубы сизого дыма тут же окутали его, но сквозь эту завесу было видно неопишное блаженство, разлившееся на его лице.

В другой стороне бара худенькая женщина в зеленом жилете неотрывно смотрела в сторону дверей. Она так ждала кого-то, что даже шею вытянула... Высокий жилистый мужчина переступил через порог, и ее лицо озарилось улыбкой. У мужчины были совершенно седые волосы ежиком, сверху и с боков они были подрезаны очень ровно, так, что голова приобрела подобие правильного куба. Питер сразу догадался – это последний крик моды. Удивительно, но возраст этого человека определить было невозможно. Что там возраст! Питер затруднился бы сказать, стар он или молод. Время, казалось, было не властно над ним – он был моложав, представителен, вежлив. Откуда-то сбоку стремительно вынырнул официант – Питер даже вздрогнул, когда тот промчался к столику, за которым устроился мужчина, и поставил перед ним две чашки соевого супа. Мужчина бесцеремонно водрузил на стол коричневую сумку. Женщина подвинула к нему цветную коробку с крекерами. Мужчина хмыкнул и вытащил из сумки кусок дорогого сыра. Все это показалось Питеру настолько нелепым и неприличным даже для такой забегаловки, что он невольно оглянулся – может, кому-то еще подобная простота пришлась не по нраву?

Не тут-то было! Какой-то мужик неожиданно вскочил с места и закричал на весь зал:

– Дети больше никому не верят! И ничему!

Публика затихла. Все повернули головы в сторону оратора.

– Даже в Халоуин! Привидения и духи не должны появляться в Халоуин!... А они шныряют по улицам. Дети никому и ничему не верят! Знаете, это очень забавно! Особенно когда приходится обманывать своих прапрапра-дедушек... Они теперь считают их чем-то вроде приятеля, стоящего на углу квартала.

Клиенты стали вопросительно переглядываться; на многих лицах появилось раздражение, но никто не осмелился прервать очумевшего мужика. Между тем он опустил голову, потом вдруг вскинул ее и с неожиданной яростью продолжил:

– Вы знаете! Ты знаешь! – Оратор ткнул пальцем куда-то в сторону, – Все знают, что это смешно. Просто умора! В Англии привидения раньше девяти часов вечера не появляются. В Уэльсе они выходят только в полночь. В Шотландии – после двух ночи, а у нас в Чикаго, – здесь голос мужика осел до шепота, – мы их можем встретить в любой час.

Молодые парни, явившиеся в бар с рубашками для продажи, как один крикнули:

– Заткнись!

Питер хмыкнул и опять стал оглядываться по сторонам.

Белокожая женщина с огненно-рыжими волосами в короткой юбчонке в горошек расположилась рядом с необыкновенно красивым с точеными чертами лица темнокожим мужчиной.

Официант опять внезапно вынырнул возле Питера и почти на бегу поинтересовался:

– Что будем заказывать?

Питер с трудом собрался с мыслями:

– Чизбургер... И кока-колу...

Азиат схватил меню, чиркнул что-то на нем и умчался.

Негр, уже скучавший за столиком у входа, поднялся и пересел за стол белой женщины. Из коротких отрывков разговора, долетавших до него, Питер понял, что женщину зовут Алиса, а мужчина приехал из Квебека. Сначала они обсуждали, как правильно произносить слово «Франция», а потом затронули более животрепещущую тему – стали разглагольствовать о том, как широко распространилась в мире проституция.

Понаблюдав за Алисой, Питер решил, что она уже свое отработала и теперь отдыхала, перебрасываясь фразами с красивым негром из Квебека. Питер позавидовал им – вот было бы здорово, если бы кто-нибудь захотел провести время, беседуя с ним! Алиса заметила, что Питер смотрит на нее. Она нахмурилась и передвинула стул. Теперь подростку была видна только ее спина.

Питер смутился. Он совсем не хотел вмешиваться в чу-

жой разговор – просто очень уж интересно они рассуждали о небывалом распространении продажной любви. Тема, конечно, была скользкая... но если бы какая-нибудь женщина... подсела к нему, он бы охотно поддержал разговор. Питер осадил себя: «Что ты бредишь, как мальчишка! Если хочешь поговорить с подобной дамочкой, заранее приготовь деньги!»

Подлетел официант и поставил перед троллем тарелку. Казалось, он просто швырнул ее на стол, но на самом деле азиат действовал точно и ловко и настолько быстро, что Питер опомниться не успел, как тот умчался прочь. Не успел Питер прожевать первый кусок, как к его столу подсел маленький человечек из тех, что торговали в зале. Он усмехнулся, когда тролль покрепче сжал в кулаке лямки своей сумки.

– Прифет! – весело сказал человечек и оскалил зубы. По его телу пробежала нервная дрожь. Человечек пару раз дернул головой и еще раз поздоровался: – Прифет!

– Здравствуйте! – робея, ответил Питер. Он был совсем не уверен в том, что именно с этим человеком хотел поговорить.

– Эдди. Торопыга Эдди... – представился незнакомец и протянул руку. Голос у него был какой-то неестественный, заикающийся.

Питер осторожно пожал руку – он боялся повредить ее. Какие-то странные вздутия виднелись на коже Эдди. Что-то

похожее на выпирающие вены... Они бежали по рукам, по шее, по худым, ввалившимся щекам.

– Тебя... как... зовут? – запинаясь, спросил Эдди.

– Питер.

– Ты чист? Ну... понимаешь?...

– Чист? – удивленно переспросил тролль.

– Да. Ну знаешь... С документами порядок?

– Ну...

– Если ты чистый, значит, у тебя есть работа, жилье. Тебе не надо скрываться, сидеть в подполье... – Эдди вопросительно смотрел на подростка.

Женщина с серебряными сережками вернулась в бар и заняла столик рядом с Питером. Она бесцеремонно обратилась к его соседу:

– Билл, помнишь, как ты лежал в гробу?

Эдди мельком глянул на женщину – голова его пару раз дернулась, потом он перевел взгляд на Питера и пожал плечами.

– Мириум! – коротко и презрительно сказал он.

– Я люблю тебя, Билл! – Женщина почти пропела эту фразу. Она определенно с кем-то разговаривала, но собеседника ее здесь и в помине не было.

Зрелище было жуткое, Питер буквально похолодел, а женщина со странным именем Мириум по-прежнему напевно выговаривала, обращаясь к Эдди:

– Знаешь, что случилось, Билл? Когда ты умер, тебя сразу

отправили в Ивангрин. Там так красиво!

– Что это с ней? – робея, спросил Питер.

– Не знаю. Ну, не знаю... Так, всякие слухи ходят...
Неожиданно голос женщины изменился, она отвернулась и иступленно закричала:

– Закрой дверь! Убирайся отсюда! – потом осклабилась и грустно сообщила: – Мы все умрем. Вся наша семья простится с белым светом. Тогда нам устроят похороны. Когда мы умрем. Я – следующая в очереди. – Ее голос вновь изменился, потеплел, словно она разговаривала с ребенком. – Значит, ты и есть мой ребеночек? Ты выскользнул из меня в туалете. Я завернула тебя в туалетную бумагу и спрятала в холодильнике. Ох, как долго ты там пролежал!...

Питер почувствовал, как мурашки забегали у него по коже. Ему захотелось уйти отсюда.

– С Мириум совсем плохо? – хрипло спросил он у Эдди.

– Что плохо? – не понял тот.

– Ну, все. Эти имена, люди, к которым она обращается... Ты только послушай. Она – того?

– Что – того?

– Действительно родила... в туалете?

– Как я могу знать? – Эдди дернул головой. – Она уверяет, что так было. Поди проверь. Если что-то подобное и случилось, то скорее всего у нее в голове.

– Как это? – озадаченно переспросил Питер.

– Ну, как. Как это обычно бывает? Спрашиваешь, почему

она разговаривает сама с собой? Не знаю. Что-то прет из ее головы. Ничего не поделаешь – одиночество...

– Одиночество?

– Ну да. Ты когда-нибудь был одинок? – Эдди со странной хитрецей посмотрел на тролля.

– Был... – Это слово он выговорил не спеша, прикидывая, что тайлось за всем этим разговором. У него родилось чувство, что этот Торопыга Эдди жаждет втянуть его в какую-то историю.

– И ты тоже дошел до того, что начал разговаривать сам с собой? – Эдди опять дернул головой. – Ну, не так, как Мириум, но с тобой тоже такое творилось? Чтобы в полный голос. И давай всем вокруг выкладывать все, что думаешь.

– Да.

– Это все от одиночества. Представь, что тебе больше не с кем разговаривать, никто больше не придет к тебе, не будет спрашивать, как ты живешь. В конце концов каждый из нас остается один, но лучше быть наедине со смертью, чем наедине с жизнью. У тебя появляется охота почесать языком, а рядом никого нет, вот ты и начинаешь болтать с самим собой. Потом это входит в привычку. Тебе все больше и больше нравится это занятие, ты ничего странного в этом уже не замечаешь. Тебе никто не нужен, и люди вокруг перестают замечать тебя – чего можно ждать от тронутого, разговаривающего с самим собой? Так твоя привычка становится обязанностью, потом долгом, и люди начинают сторониться тебя.

Кому охота выслушивать чужие жалобы! Они не хотят замечать... замечать... замечать тебя. И ты тоже! Тогда и наступает одиночество... – Человечек опять судорожно дернулся и закончил: – Одиночество... одиночество...

Питеру стало тяжело. Этот разговор буквально вымотал его. Он тоже почему-то потряс головой и спросил:

– Ты не знаешь, где бы я мог остановиться?

– Ну, у меня есть койка в одном укромном уголке. Здесь, недалеко... – Эдди хитро улыбнулся.

– Нет, мне нужна гостиница, – осторожно ответил Питер.

– У тебя есть наличные?

– Немного, – солгал тролль.

– Здесь нет гостиницы, в которой тебе сдадут номер. Все боятся. – Эдди многозначительно закатил глаза.

– Знаю, – вздохнул Питер и глянул в сторону женщины. Неужели его ждет такая судьба? Может, лучше вернуться домой? Чтобы избежать одиночества...

Вернуться к папочке?...

Нет. Только не это. Тем более после той записки, которую он оставил на экране телекома. Он не может, поджав хвост, вернуться в свою конуру. Да еще в первую же ночь!...

А что, если связаться с доктором Лендсгейтом?

Тоже глупо. Он должен стать самостоятельным, добиться всего в жизни собственными руками. В любом случае он не желает, чтобы папочка или Лендсгейт видели его слабость.

– Послушай, парень, – сказал Торопыга Эдди. – Ты но-

вичок на этой сцене? Точно? Точно! Ты не знаешь правил игры. А я знаю... Знаю... знаю... – как заводной повторил он. – Сечешь? Я могу помочь тебе, но и мне потребуется твоя помощь. Сечешь? – Эдди опять начал подергиваться, но на этот раз его конвульсии быстро прекратились.

– Ты здоровенный парень вон какой вымахал. Я как раз нуждаюсь в такой горе мускулов.

– Мне кажется... – Питер запнулся.

– Ты не обращай... не обращай... внимания на мои ужимки. – Эдди попытался унять дрожь. – У меня что-то с рефлексорным аппаратом... Отсюда и судороги. Я был один из первых, позволивших провести на себе опыты, а уговорил меня деляга с черного рынка. Теперь уже мне за тридцать, а тогда мне было двадцать и я был отчаянный парень. Через восемь лет стал на себя не похож. Меня никто не узнавал. Знаешь, какой я был шустрый! Тихо, кто-то подслушивает. Тс-с-с!... А потом я убрался. Слинял, понимаешь... слинял, слинял... Как дух. Или как привидение. Но в последнее время чую – с рефлексами нелады. Какие-то сбои или что-то еще. Эй, не вертись – я не пьяный, я этой дрянью не балуюсь. Алкоголем... алкоголем... алкоголем... А вот как все это началось, понятия не имею. Приятели все время интересуются – Эдди, что это ты без конца дергаешься? А я глазки строю: мол, не понимаю, о чем это они. Так и рисую понахалке – вам, братцы, это все кажется. Ничего... ничего... Что еще я мог ответить? Что ты говоришь? – Эдди вопросительно по-

смотрел на Питера. Тот молчал. – А-а, плюнь и разотри. Но не так давно... давно... давно я разругался со всеми этими ублюдками из службы безопасности Арес. Ну их к дьяволу! Но в одиночку я работать не могу – сечешь, как меня трясет. Чуть что, я начинаю биться как рыба об лед. Эти сволочи из Арес швыряли меня на бетонную стенку, сечешь, лупили головой об пол. Теперь не знаю, что со мной творится.

Я тебе это все к чему рассказал, сечешь? Чтобы ты знал, на что идешь. Но... но... но... вот что я хочу сказать по секрету – я думаю, мы сработаемся.

Со мной это не так уж часто случается. Если рядом будет кто-то вроде тебя, держу пари, скоро все само собой прекратится. Это только нервное, понимаешь? Я впадаю в трясучку, когда что-то не получается, а когда все идет путем, то я – ого-го! Понимаешь, какие-то нелады, я слишком быстро реагирую и получаю слишком большую дозу адреналина и гормонов. Хотя, кажется, для паники никаких оснований нет, а адреналин же в крови... и вот что получается... – Эдди вновь задержался, страшно и мучительно. – Видишь? Сам прекрасно знаю, что нет никаких оснований для паники, а адреналина уже под завязку. И контроль теряю. Не знаю, что делать. Только ты учти – это не факт. Это только моя теория... теория... теория... – Торопыга Эдди гордо улыбнулся.

– Мне бы не хотелось... – робея, ответил Питер, – я не испытываю никакого желания... воровать... Я бы хотел найти работу...

– Работу? После того как рухнуло здание ИБМ? Где? Какую? – Эдди громко захохотал.

– Я бы хотел заняться исследованиями, – твердо сказал тролль.

Глаза Эдди округлились.

– Чем? Исследованиями?!

– Ага.

Эдди поднял руки:

– Ну и дела... дела... дела...

– Что ты имеешь в виду? – решил уточнить Питер.

– Да так... – Эдди пожал плечами. – Я правда... правда... не знаю, возьмут ли они теперь тролля на работу. В ученые... Я думаю... думаю... думаю... ты именно это имел в виду? – Его глаза еще больше расширились, а голова резко дернулась влево, потом вправо.

– А-а! – Тролль тяжело вздохнул. – Ты вспомнил о том, как ученые с тобой экспериментировали... Хорошенькое дельце... Я считал, что наука такого себе не позволяет...

Питер осторожно положил свои ручки на стол, потом, поколебавшись, оперся на них – так было куда удобнее.

– Нет. Я с такими учеными связываться не буду. Я сам собираюсь заняться исследованиями. А теперь, пожалуйста, оставь меня. Я очень хочу есть.

Эдди оглядел соседа с ног до головы.

– Ладно, Профессор, отплываю. Только постарайся запомнить: меня всегда можно найти в этом... этом... этом...

заведении. Если надумаешь, загляни сюда. Мы можем стать хорошими партнерами.

Торопыга Эдди быстро вскочил со стула и помчался к дверям. Уже на пороге он обернулся и кинул на Питера прощальный взгляд. Что он хотел этим сказать, тролль не понял, потому что в следующую секунду Эдди опять скрутило. Конечности задергались, голова заходила ходуном. Еще не окончив свой дьявольский танец, он скрылся за дверью.

* * *

До рассвета Питер просидел в гриль-баре. Сидел, клевал носом. Заснуть боялся – того и гляди, сопрут сумку или – еще хуже – пристрелят. Только ранним утром он заставил себя встать и выйти на улицу. Стайка птиц шмыгнула по залитому тусклой синевой небу. Им было весело в воздушной глубине, оттого-то они и пели так громко.

Питер подумал и направился к озеру Мичиган – решил посидеть у воды и подождать, когда откроются агентства по найму на работу. Край огромного светила уже всплывал над поверхностью воды, и озеро светилось золотистым светом. Два маленьких облачка ушли за горизонт, солнце поднялось еще выше, и небо окончательно просветлело.

Весь день Питер бродил по верхнему городу – искал работу. Кое-где на улицах он замечал группки людей – мужчин и женщин. За ними приезжали грузовики. Машины забира-

ли людей и развозили на поденщину. Огромные объявления о работе висели на каждом углу, но везде была сделана приписка – «Металлюдей не нанимаем». Все отчетливей он постигал нехитрую истину – тяжек удел отверженных. Многие из работодателей охотно взяли бы его, но никто не мог дать гарантии, что через день в их заведение не подложат бомбу. Люди не хотели рисковать.

Он проходил мимо витрин магазинов, на стеклах которых были наклеены объявления с приглашением на работу, но как только Питер открывал дверь, лица у сотрудников мгновенно вытягивались. Страх мелькал в глазах. Хозяева начинали путано объяснять, что времена изменились и пусть лучше мистер попытает удачи в другом месте, что лично они против ничего не имеют, но вот обстоятельства...

День прошел впустую... Через два дня он настолько устал, что готов был заснуть прямо на тротуаре, и только страх и стыд еще удерживали его от этого. Через пять дней и страх и стыд растворились сами по себе, и он уже спокойно похрапывал в подъездах.

Каждым вечером, намаявшись, Питер приходил к озеру, устраивался под деревом и доставал свой персональный компьютер. Он занимался самообразованием – жалко было терять время. Грамота давалась тяжело – казалось, что, как только он переходил к следующему уроку, предыдущий начисто забывался. Его словарь все еще оставался крайне скудным.

Однажды он расположился под молоденьким вязом, достал портативный компьютер и принялся за дело. Он решил не отступать от намеченного. Солнце садилось, и в городе уже зажигали фонари. Их свет ядовито-оранжевыми бликами ложился на поверхность воды.

Экран компьютера, в общем-то, должен был светиться бледно-голубым светом, но Питер воспринимал его черным правильным пятном – диапазон его зрения был сдвинут в инфракрасную область. Когда экран нагрелся, к черноте подметалось красноватое свечение. Питер смотрел на все эти превращения и не мог отделаться от мысли, что имеет дело с неким магическим устройством.

Теперь-то он твердо знал, как широко магия разлита в мире. Ее чудодейственная сила проявлялась и в шаманском ритуале Томаса, и в особых заклинаниях, с помощью которых колдуны тушили и зажигали огонь. Как только он скомандовал компьютеру начать работу, на экране появилась картинка. Так что Питер тоже мог считать себя вовлеченным в чудесное магическое пространство, обнимавшее землю. Перед глазами поплыли буквы, они начали объединяться в слова, слова – в предложения, предложения – в абзацы, абзацы – в страницы. «Разве это не чудо, – восхищенно спросил он себя, – с помощью всепрощальный взгляд. Что он хотел этим сказать, тролль не понял, потому что в следующую секунду Эдди опять скрутило. Конечности задергались, голова заходила ходуном. Еще не окончив свой дьявольский танец, он

скрылся за дверью.

* * *

До рассвета Питер просидел в гриль-баре. Сидел, клевал носом. Заснуть боялся – того и гляди, сопрут сумку или – еще хуже – пристрелят. Только ранним утром он заставил себя встать и выйти на улицу. Стайка птиц шмыгнула по залитому тусклой синевой небу. Им было весело в воздушной глубине, оттого-то они и пели так громко.

Питер подумал и направился к озеру Мичиган – решил посидеть у воды и подождать, когда откроются агентства по найму на работу. Край огромного светила уже всплывал над поверхностью воды, и озеро светилось золотистым светом. Два маленьких облачка ушли за горизонт, солнце поднялось еще выше, и небо окончательно просветлело.

Весь день Питер бродил по верхнему городу – искал работу. Кое-где на улицах он замечал группки людей – мужчин и женщин. За ними приезжали грузовики. Машины забирали людей и развозили на поденщину. Огромные объявления о работе висели на каждом углу, но везде была сделана приписка – «Металюдей не нанимаем». Все отчетливей он постигал нехитрую истину – тяжек удел отверженных. Многие из работодателей охотно взяли бы его, но никто не мог дать гарантии, что через день в их заведение не подложат бомбу. Люди не хотели рисковать. Он проходил мимо витрин мага-

зинов, на стеклах которых были наклеены объявления с приглашением на работу, но как только Питер открывал дверь, лица у сотрудников мгновенно вытягивались. Страх мелькал в глазах. Хозяева начинали путано объяснять, что времена изменились и пусть лучше мистер попытает удачи в другом месте, что лично они против ничего не имеют, но вот обстоятельства...

День прошел впустую...

Через два дня он настолько устал, что готов был заснуть прямо на тротуаре, и только страх и стыд еще удерживали его от этого. Через пять дней и страх и стыд растворились сами по себе, и он уже спокойно похрапывал в подъездах.

* * *

Каждым вечером, намаявшись, Питер приходил к озеру, устраивался под деревом и доставал свой персональный компьютер. Он занимался самообразованием – жалко было терять время. Грамота давалась тяжело – казалось, что, как только он переходил к следующему уроку, предыдущий начисто забывался. Его словарь все еще оставался крайне скудным.

Однажды он расположился под молоденьким вязом, достал портативный компьютер и принялся за дело. Он решил не отступать от намеченного. Солнце садилось, и в городе уже зажигали фонари. Их свет ядовито-оранжевыми блика-

ми ложился на поверхность воды.

Экран компьютера, в общем-то, должен был светиться бледно-голубым светом, но Питер воспринимал его черным правильным пятном – диапазон его зрения был сдвинут в инфракрасную область. Когда экран нагрелся, к черноте подмешалось красноватое свечение. Питер смотрел на все эти превращения и не мог отделаться от мысли, что имеет дело с неким магическим устройством.

Теперь-то он твердо знал, как широко магия разлита в мире. Ее чудодейственная сила проявлялась и в шаманском ритуале Томаса, и в особых заклинаниях, с помощью которых колдуны тушили и зажигали огонь. Как только он скомандовал компьютеру начать работу, на экране появилась картинка. Так что Питер тоже мог считать себя вовлеченным в чудесное магическое пространство, обнимавшее землю. Перед глазами поплыли буквы, они начали объединяться в слова, слова – в предложения, предложения – в абзацы, абзацы – в страницы. «Разве это не чудо, – восхищенно спросил он себя, – с помощью всего лишь двадцати шести букв, перемешанных в определенном порядке, можно записать любую идею, какая только может возникнуть во вселенной! А если добавить сюда цифры и кое-какие значки – то можно и вычислить, и рассчитать, как устроен мир».

Стоит только в полной мере освоить грамоту – и любая цель станет достижима. Тогда он сможет начать собственные исследования, которые приведут его к созданию препарата,

способного привести в норму разбушевавшиеся гены. И он вновь станет нормальным человеком.

Так что стоит лишь начать. Питер испытал странное возбуждение. Деньги у него пока есть, учебные дискеты – тоже. Вокруг тишина, ночь... Работать... работать...

Вдруг – луч света прорезал тьму. Питер удивленно повернулся, и в тот же миг его ослепила какая-то вспышка. Он машинально прикрыл глаза и только спустя несколько мгновений сумел различить двух патрульных в форме муниципальной полиции, стоявших в нескольких метрах от него. Каждый держал в руке маленькую черную коробочку.

– И что мы тут имеем? – удивленно спросил один из коп. – Пьяного в стельку тролля? Что ты здесь делаешь, трог? Играешь с чужими игрушками?

– Что же ты там интересного вычитал? – саркастически спросил другой полицейский.

Питер почувствовал, что сейчас может случиться что-то нехорошее, но что именно и как ему справиться с бедой – не знал. Словно бы он оказался участником тридеопьесы, но никто не удосужился вручить ему текст роли. Не дождавшись ответа, полицейские сразу потеряли чувство юмора, словно их глубоко обидел тот факт, что задержанный троглодит не знает свою роль.

– Хватит болтать! – угрожающе сказал первый. – Положи компьютер и подними руки.

– Зачем? – ошарашено спросил Питер. Он знал, что сотворил несусветную глупость, но остановиться уже не мог.

Полицейские наставили на него какое-то устройство, и молния цвета морской волны ударила в тролля. Тот сразу на мгновение ослеп, а когда очнулся, понял, что лежит на земле и не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Горло было чем-то сдавлено. Правая рука подрагивала и была совершенно холодной. Голову он поднять не мог – так и лежал, поглядывая на все еще светящийся экран.

– Ну что, больше не будешь дрыгаться? – спросил полицейский.

Боль на мгновение отступила, и Питер поднял голову.

– Зачем вы это сделали? – хрипло спросил он. Копы опять рассмеялись. Один из них наклонился, взял сумку Питера, перебрал ее содержимое и вытащил кипу оптических дискет.

– Должно быть, спер у студента! – сообщил он.

– Эй, ты, не дергайся. Лежи на земле! – предупредил другой полицейский.

Их силуэты выделялись на фоне темнеющего неба – эти-кие красавцы в кожаных куртках и шлемах. Они казались огромными – два защитника справедливости... Так, по крайней мере, без конца утверждало тридео.

– Я не украл... Это мой компьютер... И дискеты мои... – попытался объяснить Питер.

Полицейские дружно расхохотались:

– Знаешь, ублюдок, любой трог уже давным-давно бы сообразил, как надо отвечать. Ну, например, кто-то нанял тебя, чтобы доставить покупку домой.

– Эй, взгляни-ка, здесь удостоверение личности, – удивился обыскивающий сумку полицейский. – Питер Клерис. Вот сукин сын!

– Это я Питер Клерис.

– Ты в этом уверен?

– Конечно... Больше он ничего не успел сказать – на него опять

обрушился электрический разряд, опять теплая чернота затянула взор, одеревенели мышцы. Он почувствовал, что

его перевернуло на спину, и принялся отчаянно ловить ртом воздух. Жуткие хрипы вырвались из легких.

– Заткнись! Слышишь, ты! – крикнул один из полицейских.

Приступ удушья прошел, но бока у него ходили как у загнанной лошади. Ясно, если бы подобную дозу всадили обыкновенному человеку, он бы сразу погиб. Может, это оружие имеет избирательное действие? Или они специально отлавливали троллей?

Когда дыхание окончательно восстановилось, он услышал, как полицейские перешептываются:

– Что же, тащить его с собой?

– Погань! А как насчет того, что он решил спастись бегством?

– А что, подходяще...

Питер похолодел – они в самом деле собираются его прихлопнуть? Может, действительно удариться в бег? Нет... он чувствовал, что после подобной встряски далеко не убежит.

– Послушайте... – обратился он к полицейским. – Срез моей ДНК подтвердит, что я... – Он говорил очень медленно, стараясь не двигаться. Не дай Бог, они еще влепят ему заряд.

– Похоже, он и в самом деле собирается сбежать... Питер не знал, что делать. Все, чему его учили, что вдалбливали в голову, испарилось в один момент.

Надо же быть таким дураком, чтобы упоминать о генах!

Тем более о ДНК!... Теперь они точно пристукнут его – не могут не пристукнуть! Им уже и самим стало ясно, что перед ними не простой ублюдок. А наивный!... Какой может быть только у очень богатых родителей. И стоит только дать этому случаю огласку, им не поздоровится.

Питер похолодел.

– Послушайте, я действительно не тролль... – и сам ужаснулся тому, что сказал. Он словно бы вынуждал их применить крайнюю меру...

В следующее мгновение в тело Питера впились бесчисленные острые иголки. Он завертелся на земле, пытаясь избавиться от боли, но невидимый бич повсюду настигал его. Вскоре он потерял ощущение времени. Казалось, наступила агония...

Неожиданно нестерпимые мучительные удары прекратились...

Сознание прояснилось – он сообразил, что лежит на спине, а кулаки его крепко сжаты. В ушах гудело, он ничего не слышал. Питер замер и приготовился – вот сейчас, сейчас... в следующую секунду страшная боль вновь обрушится на него. Но ничего не случилось.

Наконец-то он отважился открыть глаза... огляделся...

Рядом с ним чернел ствол вяза, под которым он расположился, собираясь начать занятия. Чуть поодаль светился экран компьютера. Питер перевел взгляд повыше и увидел, что в двух местах кора на дереве содрана, словно кто-то же-

вал ствол.

Потом он заметил полицейских. Руки у них были подняты вверх. Они вертели головами, но повернуться всем корпусом не осмеливались. До него доносились негромкие возгласы.

Сначала Питер не мог разобрать слов, но как только исчез шум в ушах, услышал:

– ...а теперь берите сумку, и будем считать, что мы квиты...

Голос был знакомый, но Питер не мог припомнить, кому он принадлежал.

– Ладно, ладно, – быстро согласился один из полицейских.

– А ну-ка пошустрее! Берите сумку и компьютер и дуйте отсюда! Быстро!... – Вслед за окликом раздался выстрел, и пуля сухо ударила в ствол дерева.

– Мы уже идем! – плаксиво выкрикнул коп. Другой наклонился, схватил сумку, сунул туда компьютер, и они со всех ног бросились в глубь парка.

Теперь Питер мог спокойно осмотреться. Красноватая тень скользнула к нему из-за кустов. Чуть подкрашенное розовым свечением лицо расплылось в улыбке.

Торопыга Эдди.

– Эй, Профэссор, оклемался?

«Вот уж спаситель! – недовольно подумал Питер. – Нельзя, что ли, было подкинуть кого-нибудь попрличнее? Эх, судьба!» – и вдруг страшно разозлился.

– Ты отдал им все, что у меня было! – Он попытался

встать, но не тут-то было. Ноги все еще не слушались его. Руки кое-как действовали, а вот ноги – ни в какую.

Эдди отчаянно потряс его за плечи:

– Я же тебе жизнь спас. Что с тобой, приятель?

– Почему ты не застрелил их? – Питер перекатился на спину. Долго еще он будет беспомощным, как ребенок?!

– Почему не застрелил? Почему не застрелил? Почему, понимаешь, не застрелил? Ты что, дурак? Это же часть сделки!

– Чего?

– Сделки, лопух! – Эдди уже не мог сдерживать раздражения. – Твоя жизнь в обмен на ихние плюс сумка, вещи, компьютер. Ты совсем трахнутый!... Если бы у тебя было хоть какое-то понятие о бизнесе или в твоих мозгах ну хоть вот такой кусочек мог бы думать, ты бы допер... допер... допер... что тебе уже пришли кранты! Понял, недоумок? Где ты видал тролля, который бы вертел в руках компьютер? И чтобы поганые копы не заинтересовались этой фантастической картиной?

– Но это же мой компьютер!...

Эдди бухнулся на колени и приблизил свое лицо к Питеру.

– Ты знаешь, ты идиот! – прошипел Эдди. – Полный... полный... Если ты, недоумок, в каком-нибудь дельце допустишь хотя бы крохотную промашку, считай, вся жизнь пойдет прахом. Пустяк в одном месте, так она прорвет дырочку, а потом рекой польется и, пока вся не вытечет, не

остановится. Это и называется – коньки отбросить.

Питер чувствовал, что Эдди не прав – слишком упрощенно смотрел он на положение вещей, но убедительные доводы как-то не приходили на ум, и тролль благоразумно промолчал. А тот все не мог успокоиться:

– Я за тебя головой... головой... головой... рисковал. Силы небесные, ты же тролль! Почему же сам не прижал их к ногтю? Почему не придушил?

Питер совсем растерялся и, заикаясь, объяснил:

– Я никогда не дрался.

– Что?

– Я, понимаешь...

– Слышал, слышал!... Слышал я тебя. Вот молокосос! Ты просто молокосос... Словно с неба свалился!... И сразу нос расквасил.

Сравнение было неприятным, но, к сожалению, точным.

– Прости... – тихо сказал Питер.

– Ладно, сматываемся. – Эдди осмотрелся по сторонам.

– Зачем ты это сделал? – с любопытством спросил его Питер.

– Смотрю, творится что-то непотребное. Гляжу, а это мой старый знакомец, тролль-молокосос. Я тебя еще тогда заприметил. Надеюсь, что теперь ты от всей души полюбишь... полюбишь... полюбишь... меня. – Эдди довольно разулыбался. – Парень, ты должен работать со мной. Давай, давай, пошевеливайся, а то они сейчас нагрянут и приведут с собой

дружков. Вот уж с кем мне бы не хотелось встречаться!

Питер пошевелил руками, потом ногами и понял, что кое-как, но идти сможет. Только для этого надо было встать на ноги. Это была трудная задача. Но делать было нечего – встречаться с доблестными полицейскими, защитниками добра и справедливости, ему теперь совсем не хотелось. Он перевернулся на живот, встал на колени, затем, опираясь на ствол, поднялся. Ноги подрагивали так, что страшно было оторвать руки от дерева, но теперь, когда смерть прошла мимо, у него не было выбора. Он закусил губу и шагнул. Ничего, равновесие сохранил... Так и потопал.

Эдди все еще держал в руке автоматический пистолет – ствол его был ярко-алым. Наконец он опомнился и, торопливо запихнув оружие куда-то под кожаную куртку, поинтересовался:

– Как самочувствие?

– Плохо. – Тролля заметно пошатывало.

– Глупый... глупый... вопрос. Прости. И все же нам надо побыстрее сваливать отсюда.

Питер, отдуваясь, переставлял ноги, Эдди чуть придерживал его за рукав, но сам при этом держался настороже – не хватало еще, чтобы этот гигант рухнул на него! Так они и заковыляли по асфальтированной дорожке в сторону города.

Питер увлеченно копался в одном из железных мусорных ящиков. Во дворе ночного клуба их стояло множество. Проверив нутро ящика, тролль нырнул в следующий. Здесь, в Вестсайде, жители могут позволить себе роскошь оставлять и выбрасывать съестное. Питер деловито перебирал мусор. Он откинул в сторону пустые бутылки из-под водки и вдруг обнаружил маленькую пластиковую сумку. В ней лежало что-то мягкое, хлюпающее. Подросток заглянул внутрь и едва не вскрикнул от радости: сумка была полна остатков какого-то мясного блюда. Ну просто именины сердца! Может ведь так повезти!

Воровато оглядевшись, чтобы убедиться, что никто не подглядывает за ним, Питер сунул сумку в объемистый брезентовый мешок. Несколько месяцев назад он ловко увел его у такого же бродяги. Не зевай, брат! Потом, мучаясь угрызениями совести, Питер попытался отыскать его. Бесполезно. Этот человек уже был мертв. Чем дальше, тем больше. Любой, с кем встречался или заводил знакомство Питер, шатаясь по улицам, через какое-то время пропадал. Казалось, у бродяг существовало неписаное правило появиться один раз в жизни другого человека и навсегда исчезнуть. Это умение напрочь кануть в воду сначала страшно удивляло Питера. Никто ни с кем здесь не заводил знакомств, даже словом при

случайных встречах не перебрасывался. Принято было делать вид, что ты в упор не видишь человека, ковыряющегося в соседнем мусорном контейнере. Люди появлялись и тут же растворялись в пространстве. Все, кроме Торопыги Эдди...

Закинув мешок за спину, Питер потопал дальше. Улица была занесена снегом, было пустынно – всего несколько пешеходов маячили вдалеке. Куда они мчатся как угорелые? То ли дело он – свободен, молод, прогуливается себе в охотку. А эти, наверное, конторские. Наемные рабы сбегали на ленч в свои жалкие квартирки или рестораны и опять спешат на работу.

Сколько же денег работяги тратят на еду! Уму непостижимо!... Питер видел цены в магазинах и ресторанах – они просто ужасали его. И ведь за что платят? Только за то, что какой-то ловкач нарезал хлеб и намазал куски соевым маслом! Даже если бы у Питера денег было достаточно для того, чтобы вольготно посидеть в какой-нибудь забегаловке в Вестсайде, он никогда не заглянул бы туда. Он купил бы хлеба, соевое масло, сам намазал бы бутерброды и пожарил гамбургеры. Он мог неделями жить на этой пище!

Прохожие, взглянув на бродягу тролля, сразу же отворачивались. Взгляд их стекленел. Они делали вид, что не замечают его. Нет так нет, но зачем же так пыжиться и выказывать презрение? А вот те, заметив его, перешли на другую сторону улицы. Выходит, им не по нраву встреча с огромным зеленокожим троллем, у которого так омерзительно торчат

клыки из нижней челюсти. Да еще глаза – ядовито-желтые.

Питер захихикал – ну люди! Ну человеки! Подлинные, так сказать... Нормальные. Что это вы спинами ко мне поворачиваетесь? Вот оно как все перевернулось. А точнее – вернулось на круги своя... То жгли нас, избивали, издевались всячески, а теперь, значит, глаза воротите! После тех суток, которые средства массовой информации пышно окрестили «ночью гнева» – беспорядки, начавшиеся в Сиэтле, вскоре прокатились по всему миру, – люди на улицах стали со страхом поглядывать на каждого метачеловека. Под воздействием страха начали складываться странные нормы поведения. Этаким прагматический цинизм... если всех этих ублюдков нельзя поубивать, значит, следует вести себя так, словно их не существует. Отличное решение! Для нормальных. Горе – для метахомиков. Питер теперь вынужден был жить не существуя.

Он остановился, бросил взгляд вдоль улицы – не появилась ли патрульная машина. Слава Богу, никого. Можно двигаться дальше. Когда копы находятся поблизости, лучше затаиться.

В других районах жить – а вернее «не жить» – куда безопаснее. Например, в Нузе жители были так напуганы событиями в Петле, что решили смириться с существами, подобными Питеру. Тысячи людей в ту ночь остались без крова, а городское правительство палец о палец не ударило, чтобы помочь им. Похоже, что пока на юге, сразу же за город-

ской чертой, не закончится строительство нового квартала для богатых, никто и не подумает о возрождении Петли. Что же делать, как жить несчастным погорельцам, никого не интересовало.

Что же касается Нуза, это было отличное местечко. Если, конечно, тебе некуда было больше идти и если ты не собирался спорить с осевшими там бандами за сферы влияния, если ты был способен защитить себя от набегов вурдалаков и упырей, захвативших развалины и пожарища вокруг бывшей башни ИБМ – а это место занимало по меньшей мере площадь четырех кварталов и называлось Жуткие могилы, – то лучшего уголка, чем Нуз, тебе было не найти. Там даже полиция вела себя смирно – местные воротилы бдительно следили за тем, чтобы все было шито-крыто. Не дай Бог, опять начнутся беспорядки, и весь Нуз сгорит к чертовой матери! Да, Нуз был райским местечком. Вот только жратву там нельзя было найти днем с огнем. Чтобы вот так, в мусорном ящике и что-нибудь съестное? Не надейся! Обитатели этого района наловчились глодать кости. Не хуже собак. Так что Питер предпочитал пастись в богатых кварталах. Здесь он мог позволить себе вволю покопаться в отбросах. Здесь нужен был глаз да глаз. На этих улицах лучше было не попадаться на глаза полиции. Стоило только увидеть, услышать, учуять приближающихся копов – сразу ноги в руки – и ходу! Но только пригнувшись, лучше ползком, и сразу же в ближайшее укрытие! Улица научила его: ни в коем слу-

чае нельзя срываться с места и мчаться во весь опор, привлекая к себе внимание. Стоит только побежать, и полицейские сразу же решат, что ты что-то стащил. Тут уж беды не миновать. Если же ты забьешься куда-нибудь в угол, даже если тебя застанут врасплах на улице, разумнее всего замереть, опустить голову, принять покорный вид. Ну, заберут в участок, проведешь ночь в чистой теплой камере. По серьезному Питер ни разу не попадался, а так – пожалуйста. Конечно, наручники сразу же наденут на запястья – оно и правильно. Нечего бродяжничать. Имени своего он никогда не называл. А когда его хотели отправить на анализ, чтобы с помощью ДНК идентифицировать личность, он наотрез отказывался. Говорил, что родился троллем, а это не запрещено. Ему верили. Никому не хотелось возиться с грязным метахомиком.

За решеткой он чувствовал себя в безопасности. Там не было мелких банд, в которые сбивались озверевшие от "нищеты люди. Они любили устраивать охоту на троллей, им почему-то нравилось гонять этих несчастных. Тоже своего рода развлечение... Питер, в общем-то, не очень боялся их. Стрелять они не станут, а так он уже наловчился справляться с этими придурками. Вот разве что банда застанет его спящим, а Торопыга Эдди до одури наглотается наркотиков – тогда действительно живым не уйти...

Поздно вечером он вернулся домой – так они с Эдди называли строящееся здание, в котором пристраивались на ночлег. По вечерам, когда уходили рабочие, они забирались в

одну из будущих комнат и там устраивались в небольшом углублении. Местечко было просто замечательное – сухо, тепло, дождь не достаёт, можно развести огонь. И добраться до них не просто. Мало знать все ходы-выходы, надо ещё и пройти без шума. Попробуй-ка на стройке!...

Когда Питер прибыл на место, Эдди ещё не было. Это означало, что друг его все ещё занят поисками еды или, того хуже, мертв. Одно из двух... Питер никогда не знал, на что рассчитывать.

В одном из углов небольшой ниши между массивными блоками лежали обломки досок, мебели, деревянной обшивки – все это богатство они нашли в одном из покинутых домов. Питер взял доски, расколол их на щепки и сложил в небольшой, испачканный сажёй металлический чан. Развел костер. Угрюмая комнатка повеселела, на стенах запрыгали желтоватые отблески огня. Тролль решил дожидаться Эдди – очень уж не хотелось рассчитывать на дурное, и к тому же тут не угадаешь – и отложил мясо в сторону. Потом подсел поближе к костерку. Приятное тепло потянулось к нему, согрело руки, грудь. Он заклевал носом, и на какую-то секунду ему подумалось, что он находится дома, в своей кровати.

Вспомнился отец – и печаль мгновенно затопила сердце, разогнав навалившуюся дрему. Нет, он не желал видеть его, разговаривать с папочкой тоже не хотелось. Вполне достаточно было знать, что он существует на свете. Как тотем! Главное, верить, что он спасет, выручит, а если нет, так во

всяком случае будет существовать вечно. Важным было уже то, что Питер мог кого-то вспомнить, о встрече с кем-то помечтать. Все-таки не так одиноко становилось на душе.

Затем вспомнилась мама. Она была чудом из чудес, может быть, потому, что он никогда не знал ее. «Мамочка... мамочка... мамочка...» – как заведенный, с каким-то тупым исступлением начал выговаривать он. Пафос скоро угас. Душа остыла, и дорогое слово стало восприниматься как бессмысленный набор звуков.

Неподалеку раздался звук чьих-то шагов. Тролль насто-рожился. Может, это Эдди, а может, кто-то другой. Никогда нельзя сказать заранее.

Стараясь не шуметь, он отпрыгнул в сторону и прижался к стене, потом занес кулак над головой. С той ночи, когда Эдди спас его от полицейских, многое изменилось. Например, напарник обучил его кое-каким приемам. А главный прием, особенно в случае Питера – это знать, что против лома нет приема. Но и ломом тоже надо уметь пользоваться. «Вспомни, как обошлись с тобой копы, – наставлял Эдди несмышленного ученика, – то-то и оно. Еще хочешь? – Питер отрицательно мотал головой. – Тогда запоминай...»

Подростку это даже понравилось. Теперь он тренировался часто – мускулы становились подвижнее, мысль работала быстрее, а Эдди не уставал подбадривать его: «Помнишь, как копы обошлись с тобой? Еще хочешь?»

Шаги неожиданно стихли, потом в проеме мелькнуло ли-

цо Эдди. Тот остановился, вздохнул с облегчением:

– Я... я... не знал, ты ли это? Слава Богу, ты... ты... ты...

Вот мясо... мясо... мясо...

Питер снисходительно улыбнулся и поднял свой пакет. Гордость распирала его.

– Я тоже нашел!

Эдди улыбнулся. С облегчением, покровительственно.

Питер достал куски мяса и нанизал их на антенну, которую недавно оторвал от какого-то автомобиля. Приготовлением пищи в их тесной компании всегда занимался тролль – ему здорово помогала способность видеть тепло. Они сытно поели, и настроение поднялось.

Эдди что-то долго жевал, потом выплюнул кусок жира.

– Послушай, приятель, расскажи что-нибудь, – неожиданно попросил он. – Ведь тебя чему-то учили.

Действительно, Питер теперь часто припоминал куски школьного курса по тем или иным предметам. А Эдди обожал такие рассказы.

Питер задумался. Он не в силах был выбрать какую-то определенную тему. Потом спросил:

– Хочешь, я расскажу тебе об атомах?

– Не-а... – Эдди всегда откликался подобным образом – «не-а». Ясно было видно, что врет, что ему интересно, но никогда не скажет «да». Поэтому тролль не обратил на него никакого внимания.

– Ты, я – мы оба состоим из атомов, – начал он.

– Ну да! – удивился Эдди.

– Все вокруг состоит из атомов. – Питер соскреб немного снега с бетонной поверхности и показал Эдди – И снег тоже. Атомы – это такие маленькие частички. Они бывают разные, и главная их особенность в том, что они способны сцепляться друг с другом. По-всякому: по двое, по трое, по много-много атомов. Вот из этой смеси и получаются окружающие нас вещи.

Он взял кусок мяса, неторопливо прожевал его и с наслаждением проглотил. Вкус был необыкновенный!

– Комбинации атомов называются молекулами. Ты, я – мы оба состоим из этих... Как их? Ну да, молекул... Да нет, не молекул...

Питер замер. Он забыл, из чего состоял и он и Эдди. Друг пришел ему на помощь – начал быстро перечислять:

– Из протеинов, нуклеиновых кислот, углеводов, этих... как их... липидов... – Тут его заклинило, он опять стал дергаться и повторять: – Лип... лип... лип... липидов... Питер возмутился:

– Зачем я тогда рассказываю тебе об этом? Ты и так все знаешь.

Эдди засмеялся и начал уверять приятеля, что на самом-то деле он ничего не знает. Питер немного успокоился.

– Если ты не в курсе – другое дело, – приструнил он Эдди, – сиди и помалкивай. Я сам знаю, из чего мы состоим. Из этих... Ну, это не важно. Главное, что мы с тобой очень

различаемся. Мы очень не схожи, даже если взглянуть на нас
невооруженным глазом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.